

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.П. Зарецкий

**КАК ПРОФЕССОР ДИЛЬТЕЙ
ОТСТОЯЛ СВОЮ ПРАВДУ
(Случай из истории
Московского университета
в первые годы его существования)**

Препринт WP19/2014/01

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2014

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

334

Зарецкий, Ю. П.

Как профессор Дильтей отстоял свою правду (Случай из истории Московского университета в первые годы его существования) : препринт WP19/2014/01 [Текст] / Ю. П. Зарецкий ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 64 с. – 150 экз.

Начальный период становления российских университетов – тема, широко востребованная в современной историографии. В последние годы ей были посвящены многочисленные статьи и монографические исследования. Одновременно появилась серия книг о первых десятилетиях истории главного из них – Московского. Это исследования, обращенные к ранее малоизвестным сторонам его жизни, справочники, биографии его первых преподавателей и руководителей, сборники документов. Обобщение и систематизация огромного корпуса материалов в этих публикациях не только воссоздали более детальную картину его ранней истории, но и подготовили почву для постановки новых вопросов. В частности, вопроса о «структурах повседневности», в которых протекала жизнь профессоров Московского университета. Эти структуры в работе рассматриваются в ходе реконструкции конфликта одного из них, Филиппа Генриха Дильтея (1723–1781), с университетским руководством. При этом главные вопросы будут направлены на выявление иерархии властных отношений в университете. Какое место занимали в ней профессора? Какими правами и обязанностями они обладали? Каковы были причины их споров с руководством и какими способами эти споры разрешались? Как распределялись полномочия между профессорской Конференцией, куратором и директором? Наконец, на каких принципах и с помощью каких механизмов осуществлялось взаимодействие университета с верховной властью?

УДК 378.09
ББК 74.58

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Зарецкий Ю.П., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики», 2014

Памяти Александра Васильевича Дегтярева,
которого мы, его студенты, называли Учителем

По большому счету, в сюжете этой истории нет ничего необычного. Сначала один профессор был принят в университет, потом, проработав в нем несколько лет, не поладил с начальством и был уволен, после чего, посчитав свое увольнение несправедливым, опротестовал его, был восстановлен в должности и продолжал ее занимать чуть ли не до конца своих дней. Похожие случаи можно без труда найти в истории многих университетов, причем не обязательно российских. Да и не только в истории. И сегодня, как и много лет назад, конфликты между университетскими преподавателями и администрацией – явление вовсе не исключительное. И так же, как и много лет назад, эти конфликты сопровождаются взаимными обвинениями, обидами, интригами, вовлечением в противостояние коллег, увольнениями, судебными разбирательствами. Причем не так уж редко дело так же заканчивается поражением университетского начальства. Легко узнаваемы и некоторые персонажи этой истории: за риторикой о справедливости и законности, которую они используют для объяснения своих поступков, часто скрываются вполне определенные интересы, связанные с получением личной выгоды. При этом один и тот же человек в разных ситуациях может выступать в разных обликах: властолюбивого начальника и добропорядочного главы семейства; преданного науке ученого и крохобора, готового бесконечно спорить за копейку; смелого борца против самоуправства университетской канцелярии и распространителя сплетен о коллегах. Эти сходства, однако, очевидны только в самом первом приближении. Если же обратить внимание на детали, конкретные условия работы Московского университета во второй половине XVIII века, то мы увидим, что отличия от сегодняшнего дня будут разительными. Прошлое действительно покажется «чужой страной», в которой «всё делают по-другому»¹.

¹ Имеется в виду фраза из романа британского писателя Лесли Поулза Хартли «Посредник» (“The past is a foreign country: they do things differently there”), ставшая знаменитой благодаря Дэвиду Лоуэнталу, использовавшему ее часть в названии своей книги:

При реконструкции этого случая, произошедшего 250 лет назад, как раз отличия и станут главным предметом внимания. Но не отличия как таковые – очевидно, что они слишком многочисленны и разнообразны. Особый интерес будет обращен на те из них, которые связаны с распределением властных отношений в университете. Какое место тогда занимали в его иерархии профессора? Какими правами и обязанностями они обладали? Как распределялись полномочия между профессорской конференцией, директорами и кураторами? Каковы были причины споров профессоров с университетской администрацией и какими способами эти споры разрешались? Наконец, каким образом осуществлялось взаимодействие университета с верховной властью? Поиск ответов на эти вопросы дает возможность лучше понять особенности организации и функционирования главного российского университета в начальный период его истории. Но не только. Рассмотрение их в деталях позволяет также приподнять завесу над той стороной его жизни, которая до сегодняшнего дня остается малоизвестной: повседневными делами и заботами его профессоров².

Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge, 1985 (рус. перевод: Лоуэнталь Д. Пршлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004).

² Постановка этих вопросов стала возможной благодаря взрослому в последние годы интересу к ранней истории российских университетов (Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 2002; Андреев А.Ю. Российские университеты в контексте университетской истории Европы. М.: Языки Славянской Культуры, 2009; Университет в Российской империи / ред. А.Ю. Андреев, С. Посохов. М.: РОССПЭН, 2012; Вишленкова Е.А., Галлиулина Р.Х., Ильина К.А. Российские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / ред. Е.А. Вишленкова, И. М. Савельева. М.: ИД ВШЭ, 2013). В особенности публикации серии книг о первых десятилетиях главного из них – Московского: обращенных к ранее малоизвестным сторонам его жизни (Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006; Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011; Сердюцкая О.В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Преподавательская служба. М.: Спутник, 2012), справочников (Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское издательство, 1997; Волков В.А., Куликова М.В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К, 2003; Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К, 2006; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2010), биографий его первых преподавателей и руководителей, сборников документов (История Московского университета (вторая половина

Основные действующие лица этой истории: профессор Московского университета Филипп Генрих Дильтей, его куратор Василий Евдокимович Адодуров, его директор Михаил Матвеевич Херасков, профессора-коллеги Дильтея, конференц-секретарь Императорской Академии наук и художеств Герхард Фридрих (Федор Иванович) Миллер, статс-секретарь Григорий Николаевич Теплов, императрица Екатерина II³.

Часть 1. Главный герой

Явление. 1 октября 1756 года читатели газеты «Московские ведомости» могли заметить краткое сообщение: «В прошедшую субботу, то есть прошедшего месяца 28 числа, прибыли в здешний университет натуральной юриспруденции профессор Дильтей; да магистр Отенталь»⁴. Нас будет интересовать исключительно первый – 33-летний Филипп Генрих Дильтей, приглашенный в Московский университет его основателем и куратором И.И. Шуваловым в качестве «прав и истории профессора».

Что нам известно об этом человеке до его прибытия в Москву? Не очень много, хотя и вполне достаточно для того, чтобы получить о нем

XVIII – начало XIX века). Сборник документов / сост., вступ. статья и прим. Д.Н. Костышина. Т. 1–3. М.: Academia, 2006–2014).

³ Я рад возможности выразить благодарность всем коллегам и друзьям, оказывавшим мне разнообразную помощь и поддержку на всех этапах распутывания этой непростой истории. Прежде всего – Ольге Евгеньевне Кошелевой, Ирине Павловне Кулаковой и Марине Николаевне Кибальной за их ценные советы. Моя особая признательность – Дмитрию Никаноровичу Костышину за многочисленные критические замечания, исправления и комментарии к первой версии этой работы.

⁴ Основные сведения о Дильтее см.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / подг. к печ., комм. Н.А. Пенчко. В 3-х т. М.: Изд-во МГУ, 1960–1963; История Московского университета. Т. 2, 3; Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М.: Унив. Тип., 1855; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М.: Унив. Тип., 1855. С. 301–311 (биография Дильтея написана адъюнкт-профессором Московского университета М.Н. Капустиным); Русский биографический словарь. Т. 6. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. С. 381; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2010. С. 215; Meusel J.G. Lexikon der von 1750–1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller. Bd. 2. Leipzig, 1803. S. 368–370; Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey (1723–1781) und sein Bildungsplan für Rußland vom Jahre 1764 // Österreichische Osthefte: Mitteilungsorgan des Österreichischen Ost und Südosteuropainstituts. 1989. V. 31. S. 203–237.

первое представление. Родился Филипп 8 октября 1723 года во владениях Майнцского архиепископа, в местечке Ширштайн округа Рейнгау, в то время входившего в состав монархии Габсбургов, и через два дня после рождения был крещен в местной церкви по протестантскому обряду. Мы знаем также, что его отца звали Иоанн Филипп Дильтей и что он приходился дальним родственником Поликсене Кристиане Августе Дильтей, популярной поэтессе; о его матери известно лишь, что ее звали Амалия Лахманн. По свидетельству географа и теолога, профессора геттингенского университета Антона Фридриха Бюшинга, спасаясь от «излишней строгости» отца, Филипп рано оставил дом и воспитывался католиками⁵. Вероятно, именно тогда он и обратился в их веру. Учился он сначала в университете Инсбрука, где в 1748 г. получил степень магистра свободных наук и философии, а затем, с 1749 по 1753 гг., – Страсбурга и Вены⁶. В Страсбургском университете он защитил диссертацию на тему «О завладении имением за давностью» (*De usurpationibus et usucapionibus*), став 22 августа 1753 года «доктором обоих прав»⁷. Потом служил присяжным адвокатом консистории Пассау в Вене и, ожидая получения профессорской кафедры в здешнем университете, некоторое время был наставником (*Moderator*) молодого графа Франца Антона из знатного австрийского рода фон Кевенхюллеров цу Айхельберг.

В конце 1755 года, сопровождая своего подопечного, Филипп познакомился в Геттингене с уже упомянутым Бюшингом, и это знакомство сыграло в его дальнейшей судьбе решающую роль. Дело в том, что Бюшинг в то время был одним из корреспондентов Г.Ф. Миллера, рассылавшего из Санкт-Петербурга в Германию письма своим коллегам с просьбами о содействии в приглашении профессоров для только что открытого Императорского Московского университета⁸. Бюшингу новый знакомый показался вполне подходящей кандидатурой, и он незамедлительно сообщил об этом в Санкт-Петербург. Для новоиспеченного доктора юриспруденции, ищущего профессорской должности, известие о возможности получить ее в России⁹ оказалось весьма кстати, однако он дал понять

⁵ История Московского университета. Т. 2. С. 112.

⁶ Там же. С. 225–226.

⁷ См. документы, подтверждающие научные заслуги Дильтея: Там же. С. 228–230.

⁸ См. переписку Бюшинга и Миллера по этому поводу: Там же. С. 26–28, 43–44, 93–94, 111–112, 126–127.

⁹ Возможно, Бюшинг, раньше бывавший в России, в одной из бесед сообщил своему новому знакомому какие-то сведения о стране и о научном мире Петербурга, с которым был неплохо знаком.

своему собеседнику, что его согласие в первую очередь будет зависеть от размера предлагаемого вознаграждения¹⁰. Очевидно, что сообщенные Дильтею предварительно финансовые условия его устроили, и уже в письме от 21 января 1756 года Бюшинг сообщает об этом Миллеру, давая своему новому знакомому обстоятельную и исключительно положительную характеристику: «...Человек много повидавший и опытный, католического вероисповедания, однако совсем не сектант, а, напротив, муж честных правил. [...] Он, собственно... юрист, но может обучать также естественному праву и истории»¹¹. В характеристике Бюшинга кроме прочих достоинств кандидата подчеркивались его исключительные языковые познания: «...он отменно говорит и пишет по-латыни и по-гречески, может писать и говорить на французском и итальянском языках, понимает и по-английски, немного по-славонски, не говоря уже о немецком, его родном языке...»¹². И прибавлялось: «Буде в нем нужда явится, всего лучше отправить к нему приглашение еще до Пасхи, прежде чем его в Вене примут на должность»¹³.

Можно, конечно, сомневаться, соответствовала ли действительности такая в высшей степени похвальная рекомендация. Не исключено, что в превознесении Геттингенским профессором достоинств доктора Дильтея сыграло свою роль обнаружение в ходе их беседы его родственных связей с Поликсеной, незадолго до того ставшей его женой. К тому же в этой рекомендации обнаруживается одна неточность: Бюшинг, скорее всего, ошибался, называя «родным языком» Филиппа немецкий. Как мы узнаем дальше, большинство своих научных трудов он писал на французском и также на французском вел корреспонденцию – в том числе и с Миллером. Впрочем, несмотря на возможные ошибки и преувеличения, эта рекомендация при рассмотрении его кандидатуры сыграла исключительно важную, если не ключевую, роль.

Пока письмо Бюшинга с отзывом о кандидате шло в Россию, в жизни Филиппа произошло еще одно значимое событие: 24 января он был принят в члены Майнцской академии полезных наук (*Churfürstlich Mayntzische Academie nützlicher Wissenschaften*)¹⁴. Это почетное звание, хотя и полученное далеко не от самого влиятельного в ученом мире того времени

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey. S. 205.

учреждения, безусловно способствовало его признанию в российском научном сообществе. Хотя в принятии Дильтея на службу оно вряд ли сыграло существенную роль: главным было то, что Миллер процитировал характеристику Бюшинга куратору университета И.И. Шувалову¹⁵, и тот его кандидатуру незамедлительно утвердил. После этого Дильтею были подтверждены предложенные ранее условия контракта: он приглашался в Московский университет на должность профессора права и истории сроком на пять лет с ежегодным окладом в 500 рублей и единовременной выплатой 150 рублей на проезд¹⁶.

Посчитав эти условия вполне достойными, Дильтей контракт подписал — хотя, по-видимому из осторожности, уменьшил его срок до трех лет. И завершив свои дела в Вене, в конце августа он прибывает в Санкт-Петербург, где сначала встречается с Миллером, производя на него впечатление «учтивого и знающего человека»¹⁷, а через некоторое время и с самим Шуваловым. После этого он отправляется в Москву.

Начало службы. Прибыв в первопрестольную, Дильтей останавливается в доме директора университета Алексея Михайловича Аргамакова и, немного освоившись на новом месте, отправляется на службу.

Университет в это время только начинал свою работу: указ императрицы Елизаветы Петровны о его учреждении был опубликован за полтора года до прибытия Дильтея, 24 января 1755 года. 26 апреля этого же года, после завершения торжеств, приуроченных к празднованию дня коронации императрицы, началось преподавание в обеих его гимназиях (их было создано две: одна для дворян, другая для разночинцев). Собственно же в университете по причине отсутствия студентов преподавание началось на несколько месяцев позднее — в июле-августе¹⁸. К началу июля, однако, их было здесь уже 15, а к осени — 33¹⁹. С набором преподавателей дело обстояло лучше. С самого начала в штате университета их значилось восемь и еще трое — в штате обеих гимназий²⁰. Позднее к ним присоединились прибывшие немногим раньше Дильтея из Тюбингенского университета профессор Иоганн Генрих Фромман и ректор гимназии магистр Иоганн Матиас Шаден. Студентов же ко времени появле-

¹⁵ Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey. S. 207.

¹⁶ История Московского университета. Т. 2. С. 44.

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 127.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Там же. С. 71–72.

²⁰ Протоколы Конференции // Московский университет. 2006. № 34 (4183).

ния в университете Дильтея по-прежнему было около 30 человек²¹. В начале 1758 года Миллер, передавая слова Шувалова, писал, что университет все еще находится в процессе становления и что главная его задача пока состоит в том, чтобы вырастить молодых людей, способных к изучению наук – он «еще не имеет устава, и в общем еще не полностью обустроен, поскольку специально ожидают, чтобы можно было покамест подготовить юношество в гимназии, которая прикреплена к университету»²².

При знакомстве с Московским университетом этого времени обращает на себя внимание особый статус его студентов, принципиально отличавшийся от положения студентов университетов Западной Европы XVIII века. В России – сначала в Академическом в Санкт-Петербурге, а теперь и в Московском – большинство их фактически находилось на положении государственных служащих, получавших содержание из казны за свою учебу (казеннокоштные студенты). Было, правда, и некоторое количество тех, кто казенного содержания не получал (своекоштные студенты), но они составляли незначительное меньшинство²³. С этим особым статусом было связано то, что пребывание в университете засчитывалось студентам как нахождение на государственной службе, а его успешное окончание сулило обер-офицерский чин²⁴, а также, что в любой момент они могли быть переведены в другое государственное учреждение. С их особым статусом было связано и наличие у них специальной униформы, включавшей мундир и шпагу²⁵.

²¹ Подсчеты Д.Н. Костышина за 1756–1757 годы.

²² Цит. по: Университет в Российской империи. С. 143. Письмо, написанное 2 января или 13 февраля, было адресовано профессору Лейпцигского университета И.К. Готшеду (уточнение Д.Н. Костышина).

²³ В конце 1755 года в университете числилось 30 казеннокоштных студентов, получавших жалованье 40 рублей ежегодно, и только 3 своекоштных. См.: Костышин Д.Н. Алексей Михайлович Аргамаков. Материалы для биографии // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 71–72.

²⁴ См. «Определение Сената о порядке записи дворянских детей в ученики Московского университета и прохождения ими службы» от 17 мая 1756 года (История Московского университета. Т. 2. С. 96–97), а также Сенатский указ от 20 марта 1758 года «О подтверждении преимуществ обучающихся в Московском Университете детей дворянских в том, что они, по окончании наук, по аттестатам и представлениям Университета непременно производимы будут в службе по старшинству» – Полное собрание законов Российской империи. Т. 15. № 10812.

²⁵ Кулакова И.П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. Международный журнал. 2008. № 9. С. 8–24.

Положение университетских преподавателей также отличалось – хотя эти отличия были менее выражены. С одной стороны, профессора пользовались частью тех свобод, которые существовали в большинстве европейских университетов – прежде всего, правом самоуправления, осуществляемым профессорской корпорацией. С другой, получая вознаграждение из казны и непосредственно подчиняясь чиновникам, назначенным императрицей (куратору и директору), они воспринимались в России как государственные служащие – хотя и особые, обладающие большими по сравнению с другими правами²⁶. Такая неопределенность статуса преподавателей допускала вмешательство университетской администрации в дела ученого сообщества и нередко вызывала протесты – чаще всего иностранных профессоров, воспитанных на идеях университетских свобод.

В Московском университете, так же как и в западноевропейских, существовал, правда, орган профессорского самоуправления, получивший здесь название Конференции. В § 7 «Проекта об учреждении» говорилось, что все профессора «при присутствии директора собрания» должны еженедельно по субботам проводить заседания, «в которых советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и до лучшего оных произвождения», а также «решать все дела, касающиеся до студентов, и определять им штрафы, ежели кто приличится в каких-либо продерзостях и не порядках»²⁷. То есть не только осуществлять руководство академической жизнью, но и выполнять функции университетского суда. Наличие этой особой юрисдикции было важной чертой, свидетельствовавшей о реализации принципа университетской автономии, со времен Средневековья известного в Западной Европе. Однако наиболее важные решения Конференции Московского университета не были окончательными: все в конечном счете зависело от воли куратора.

Вначале больше года Конференция не могла начать работу из-за недостаточного числа ординарных (то есть «полных») профессоров, которые должны были ее составлять. До появления Дильтея эту должность занимали всего двое: уже упоминавшиеся выпускник Академического

²⁶ Сердюцкая О.В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Преподавательская служба. Дисс... канд. ист. наук. Брянск, 2008. С. 211–244 и др.

²⁷ Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 278–279.

университета Николай Никитич Поповский и выпускник Тюбингенского университета Иоганн Генрих Фромман (оба преподавали философские науки). Двадцатишестилетний Поповский был известен в университете, прежде всего, как оратор: он выступал на церемонии его торжественного открытия 26 апреля 1755 года с латинской речью, прославляющей философию²⁸, и год спустя еще раз, на втором собрании по тому же поводу – теперь с «Торжественным словом» и «Одой Елизавете Петровне»²⁹. Профессором он был назначен 10 мая 1756 года. Ровесник Поповского Фромман был гораздо менее заметной фигурой – о его деятельности в университете в эти первые годы сохранились лишь единичные сведения. Первое заседание Конференции состоялось только после присоединения к этим двум профессора Дильтея, 16 октября 1756 года.

Как и все последующие, заседание проходило под председательством директора. В его повестке стояли вопросы о публичных лекциях профессоров, о количестве лекций каждого в неделю и времени их чтения, о различных нуждах университета и его гимназий. Важнейшим решением Конференции стало определение порядка преподавания в текущем учебном году: за каждым профессором закреплялись дисциплины и определялось время занятий. Из протокола заседания мы узнаем, что Дильтею для естественного права и истории были назначены «послеобеденные часы от второго до четвертого четыре раза в неделю»³⁰. Из-за большого числа вопросов, требующих рассмотрения, было решено собираться дважды в неделю, и до конца 1756 года состоялось еще двенадцать заседаний, на которых были приняты решения по разнообразным вопросам организации университетской жизни: о публичных лекциях в следующем се-

²⁸ 26 апреля 1755 года на церемонии торжественного открытия университета он выступил с речью на латинском языке «О содержании, важности и круге философии» (русский ее перевод по инициативе М.В. Ломоносова был опубликован 2 августа 1755 года в журнале «Ежемесячные сочинения»). См.: Поэты XVIII века. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 75–77.

²⁹ Поповский Н.Н. Высочайший день коронации ея императорскаго величества всемилостивейшия государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университет. Апреля 26 дня 1756 года. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1756]; Он же. Ода ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне самодержице всероссийской, которую в высочайший день коронации ея священнейшаго величества искреннее свое усердие и благодарность засвидетельствует Императорской Московской университет апреля 26 дня 1756 года. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1756].

³⁰ Документы и материалы. Т. 1. С. 27.

местре, об университетской типографии, о книжной лавке, о гостинице для иностранных преподавателей и еще по десяткам других. Конференция с самого начала выполняла также полагавшуюся ей функцию университетского суда: на заседании 16 ноября рассматривалась жалоба директора гимназии И.М. Шадена на ассессора М.И. Веревкина, в которой последний обвинялся в неоправданных претензиях на особые полномочия³¹. Правда, решения эти были предварительными – как уже говорилось, в соответствии с установившимся порядком, окончательное слово оставалось за куратором. Но Шувалов почти всегда соглашался с мнением профессоров и в случаях их несогласия с университетской канцелярией занимал позицию Конференции³².

По мнению Бюшинга, в то время неплохо осведомленного о положении дел в университете благодаря его активной переписке с коллегами, Дильтей с самого начала стал главной фигурой в профессорском собрании: «Дильтей стал первым профессором, Николай Поповский, русский, – вторым, и Иоганн Фромман из Тюбингена – третьим...»³³. Подтверждение этому находим и в официальных документах: имя Дильтея значится первым в публикуемых ежегодно каталогах лекций, а также во включавшихся в протоколы Конференции списках присутствующих профессоров – сразу за именем директора³⁴. Такое положение, впрочем, определялось не его лидерскими качествами или научными заслугами, а традицией: в европейских университетах существовала строгая иерархия, в которой на первом месте находился богословский факультет, на втором юридический, затем медицинский, а философский стоял на последнем. Возможно, также играло роль то обстоятельство, что Дильтей был единственным из трех профессоров, кто имел докторскую степень: Поповский к моменту назначения ординарным профессором красноречия имел лишь

³¹ Костышин Д.Н. Алексей Михайлович Аргамаков. С. 79.

³² См. ордер куратора И.И. Шувалова директору А.М. Аргамакову от 28 ноября 1756 года. – Документы и материалы. Т. 1. С. 32. См. также: Там же. С. 301, 302; История Московского университета. Т. 2. С. 140, 267.

³³ Цит. по: Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey. S. 207.

³⁴ См. в объявлении о публичных лекциях, опубликованных не позднее 31 октября 1757 года на латинском и русском языках: История Московского университета. Т. 3. С. 351, 352. Подробнее о «старшинстве» профессоров и споров по этому поводу с участием Дильтея будет сказано дальше.

степень магистра, полученную в Академическом университете, а Фромман – магистра философии Тюбингенского университета³⁵.

31 октября 1756 года состоялось первое появление Дильтея перед широкой московской публикой: в особо торжественной обстановке им была прочитана на латыни «инавгуральная речь» о пользе права, открывшая в университете регулярные занятия³⁶. Событие это, безусловно, имело особую значимость не только для него самого, студентов и преподавателей университета и его двух гимназий, но и для многих других образованных москвичей. Во всяком случае, накануне выступления на двери перед входом в здание университета, выходившее на Красную площадь, было вывешено отпечатанное типографским способом многословное приглашение от имени куратора Шувалова. В нем объявлялось об установлении в Московском университете традиции лучших университетов Европы: устраивать публичные лекции вступающих в должность профессоров. И вкратце пояснялось, что это заимствование призвано способствовать столь желанному императрицей процветанию в нем наук:

Есть ли во всех наизнатнейших Университетах сие обыкновение наблюдают, чтобы Профессоры в должность свою вступая, перед чтениями своими публичные речи говорили; того ради нам, определенным в сем Императорском Московском Университете, тем наипаче сего похвалы достойного обыкновения оставлять не надлежит, чем больше мы уверены, что Августейшая Самодержица ЕЛИСАВЕТ, великодушная Наук Покровительница, справедливейшая учредительница законов, в мире и в победах премудрая Государыня, наипаче сего желает, чтобы новый сей университет как обильнейшими на подданных Своих изливающимися плодами, так и славою истинного учения, между прочими народами с первейшими в Европе Университетами или соревновался, или превзошел³⁷.

³⁵ В европейских университетах того времени на философском факультете обычно существовала трехчленная иерархия степеней (бакалавр-магистр-доктор), а на медицинском и философском – двухчленная (бакалавр-доктор). См.: Университет в Российской империи. С. 334–335.

³⁶ Перевошиков Д. Черты из истории имп. Московского Университета // Московский городской листок. 1847. № 14. С. 56. Сам Дильтей хотел выступить с нею раньше, но в силу необходимости получения разрешения на печатание объявления от куратора, речь пришлось перенести на более позднее время. См.: Костышин Д.Н. Алексей Михайлович Аргамаков. С. 79.

³⁷ История Московского университета. Т. 2. С 185–186.

Мы не знаем, сколько слушателей в этот день было в большом зале университета, но можно предположить, что немало: количество студентов и учеников гимназии в то время превышало в общей сложности сто человек, да и прочая московская публика, несмотря на ранний час, должно быть, тоже присутствовала в достаточном количестве³⁸.

Полтора месяца спустя, 17 декабря, состоялось еще одно заметное событие с участием Дильтея: публичный диспут на латинском языке по естественному праву на собрании в честь дня рождения императрицы. Это был первый опыт такого рода в университете во исполнение § 14 «Проекта об учреждении», требовавшего «пред наступлением каждой вакансии иметь публичные диспуты»³⁹. В ходе дебатов два студента, назначенные Дильтеем, защищали предложенные им тезисы, а четыре выступали в качестве их оппонентов⁴⁰. Причем объявление и материалы диспута были опубликованы в университетской типографии и распространены среди студентов и профессоров заранее⁴¹. Следующий диспут студентов Дильтея, также имевший широкий резонанс, состоялся 6 марта 1757 года на собрании университета по случаю смерти его директора Аргамакова. 11 марта о нем появился отчет в «Московских ведомостях», а в тот же день, то есть 6 марта, университетская канцелярия доклады-вал Шувалову о его успехе:

...В великое удовольствие всех слушателей производился Диспут о праве естественном от учащихся Салтыкова и Безобразова под предводительством профессора Дильтея, на которые аргументы противословили кроме университетских учителей многие из присутствующих ученых людей. Короткое время учения сих учеников не воспрепятствовало им во удивление всех сме-

³⁸ Сведения об этом событии в феврале следующего года были опубликованы Бюшингом в «Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen». См.: История Московского университета. Т. 3. С. 484.

³⁹ Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. С. 280. На собрании также имел место диспут студентов профессора философии Фроммана и выступления с речами студентов профессора красноречия Поповского. См.: История Московского университета. Т. 2. С. 195–196.

⁴⁰ См. об этом: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. С. 302.

⁴¹ Дильтей Ф.Г. Опыт успехов в естественном праве, которой под руководством Филиппа Генрика Дильтея... окажут студенты Иван Алексиев и Матвей Елисеев отвечая на вопросы и противные мнения, которые предложены быть имеют от студентов же Семена Герасимова Сергея Малиновского Антония Котцаурека и Петра Ямпольского в университетской аудитории по утру декабря 17 дня. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1756. Опубликовано также: История Московского университета. Т. 2. С. 197–199.

лыми и твердыми ответами своими привести, чем оные себя справедливо могут вашему превосходительству рекомендовать⁴².

Конечно, в новом университете все было далеко не так гладко, как можно заключить из содержания официальных рапортов. В одном из писем этого времени недавно прибывшего в Москву в качестве лектора немецкого красноречия Христиана Готтлиба Келлнера его бывшему наставнику, профессору Лейпцигского университета Иоганну Кристофу Готшеду, например, говорится, что с немецким языком здесь дело обстоит из рук вон плохо: «...ни один из студентов не знает ни слова по-немецки». И, добавляет автор, вследствие этого ему поручили читать другой предмет – всеобщую историю⁴³. Но его последующие сообщения об университетских делах позволяют заключить, что свое новое место работы он в целом считал вполне сносным⁴⁴. В общем, никаких особых жалоб от молодого преподавателя не поступило – как и не было отмечено каких-то особых неожиданностей: университет, конечно, отличался от Лейпцигского, но не так уж принципиально.

Часть 2. В первые годы

Успех. Не обнаруживается особых жалоб и в письмах Дильтея этого времени. Тем более, что сетовать было не на что – его карьера в университете началась вполне успешно. На собрании Конференции 24 февраля 1757 года было объявлено о его вступлении по совместительству в должность инспектора университетских гимназий⁴⁵, которой он настойчиво добивался через посредничество Миллера⁴⁶. Новое назначение было не только почетным, но и означало солидную прибавку жалованья: к профессорскому содержанию в 500 рублей в год теперь добавлялось еще 100. Из его писем к Миллеру в следующие месяцы мы узнаем, что он

⁴² Московские ведомости 1757. № 20. 11 марта; Документы и материалы. Т. 2. С. 39; История Московского университета. Т. 3. С. 310–312. Диспутам студентов профессоров Дильтея и Фроммана завершались также занятия в первом полугодии 1757/58 учебного года. См.: История Московского Университета. Т. 3. С. 362.

⁴³ История Московского Университета. Т. 3. С. 407.

⁴⁴ Там же. С. 407–408.

⁴⁵ Документы и материалы. Т. 2. С. 36.

⁴⁶ История Московского университета. Т. 2. С. 204–206.

хлопочет о повышении жалования гимназическому учителю немецкого языка З.А. Линбергу до двухсот рублей и добивается успеха⁴⁷, по поручению Миллера старается уладить финансовый спор между надворным советником В.А. Паниным и пастором Д. Дюмареском, много внимания уделяет преподаванию. «Что касается новостей из этого города, – пишет он в июне 1757 года, – то я ничего не могу сказать, кроме того, что мы загружены делами. Мы принимаем экзамены утром и вечером, иногда на протяжении восьми часов в день»⁴⁸.

Как заверяют историки, уже в первые годы службы Дильтей стал состоятельным человеком. В 1760 году его жалование вместе с надбавкой за должность инспектора гимназии составляло уже 700 рублей и уступало только жалованию директора университета. Причем оно было существенно больше, чем у двух других ординарных профессоров, Поповского и Керштенса, которые получали по 500, и даже ректора гимназии Шадена (400), не говоря уже о работниках канцелярии коллежском советнике Хераскове (400, включая 100 за квартиру) и титулярном советнике Алексее Кожине (250)⁴⁹. Жалование Дильтея также значительно превосходило жалование двух университетских магистров, Барсова и Рейхеля, получавших соответственно 350 и 300 рублей, – и еще больше преподавателей иностранных языков, получавших не более трехсот⁵⁰. Но материальное благополучие Дильтея умножалось не только – а, может быть, и не столько – за счет университетского жалования. Значительную часть его прибýtка составляли доходы от частных уроков, за которые, как утверждают, он брал по 12 рублей в год с ученика за каждый предмет, причем половину этой суммы вперед. Эти доходы позволили ему уже в мае 1759 года купить за 1500 рублей каменный дом на Козьем болоте (теперь Патриаршие пруды), да еще и пару выездных лошадей⁵¹.

Финансовый успех профессора стал причиной того, что по городу о нем стали ползти слухи как о человеке алчном, больше всего прочего озабоченном зарабатыванием денег. Этот успех вызывал также ропот начальства и коллег Дильтея: мол, профессор занят извлечением доходов

⁴⁷ История Московского университета. Т. 3. С. 379–380, 383–384 и др.

⁴⁸ Там же. С. 389–390.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера. П. 150. Ч. 6), оп. 1, ед. хр. 18 (О университетских членах). Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 1 об.

⁵¹ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 63; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. 1. С. 302; Документы и материалы. Т. 1. С. 321; Donnert E. Philipp Heinrich Diltthey. S. 208.

от частных занятий, а не преподаванием в университете⁵². Возможно, для этих обвинений имелись основания, однако при вынесении окончательного суждения здесь нужно помнить о том, что сегодня называют «культурными различиями». Мы знаем, что в Западной Европе середины XVIII века жалование профессора составляло лишь часть его дохода: платные лекции и прочие «побочные» источники обычно составляли куда более значительную сумму. Видимо поэтому Дильтей – в отличие от своих русских коллег, рассматривавших университетское преподавание как государственную службу, – не видел ничего зазорного в получении дополнительного заработка. Как пояснял тогда Миллер, «жалование профессоров чужеземных университетов – это минимум, который он заслуживает, и он при этом работает не больше, чем 4 дня в неделю, напротив, каждый день отводится ему, чтобы свободно учить». Остальную часть дохода профессора дает «его частная коллегия, которую оплатят студенты», к тому же «может он многое заработать написанием книг»⁵³.

Но даже если частные занятия Дильтея и мешали исполнению им его прямых обязанностей, очевидно, что уже в эти начальные годы работы он внес существенный вклад в становление университета – прежде всего как правовед, распространявший в России европейское юридическое знание. Достаточно сказать, что в течение нескольких лет он был единственным профессором юриспруденции и читал лекции по естественно-му, римскому, феодальному, уголовному, государственному праву. Что касается его научных интересов, то они не ограничивались юриспруденцией. В 1758 году он начал перевод «Российской грамматики» Ломоносова на латынь, чтобы, по его собственным словам, дать иностранным ученым, живущим в России, руководство по изучению русского языка⁵⁴. Он также оказался среди первых профессоров, опубликовавших свои труды в университетской типографии: в 1762–1763 годах здесь вышли две части его учебника всемирной истории «Первые основания универ-

⁵² Первое объявление о частных лекциях «О праве натуральном» на французском языке Дильтей опубликовал в «Московских ведомостях» уже 5 ноября 1756 г. См.: История Московского Университета. Т. 2. С. 187.

⁵³ Миллер Г.Ф. «Мысли об учреждении Московского университета». Цит. по: Сердюккая О.В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Дисс... канд. ист. наук. С. 157.

⁵⁴ Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey. S. 208 (автор ссылается на письмо Дильтея Миллеру от 15 июня 1758 года). О судьбе этого перевода ничего не известно.

сальной истории»⁵⁵ и небольшое астрономо-географическое пособие «Новое описание сферы»⁵⁶.

С самого начала службы он стал еще известен как оратор, часто выступавший с речами на университетских торжественных собраниях. Речи составлялись и произносились им на латыни, но по сложившейся традиции переводились на русский и предварительно публиковались на обоих языках. Тема первой из них, произнесенной 26 апреля 1757 года, подбиралась Дильтеем с особой тщательностью, о чем свидетельствует его письмо к Миллеру, в котором он обращается за советом к своему именитому коллеге⁵⁷. Выступление было приурочено к годовщине коронации императрицы Елизаветы Петровны и называлось «Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих».

Начинался панегирик со вполне традиционной для подобных речей верноподданнической риторики автора и, после экскурса в историю и научных доказательств выдвинутого тезиса, заканчивался обращенной к государыне здравицей в форме четверостишья: «Монархиня, живи чрез несочтенны годы / И торжествуй, прогнав противныя народы / Московским музам зрак ты ласковой являй / И доле Нестора щастливо пребывай»⁵⁸.

Успешная служебная карьера Дильтея в этот период была однако омрачена личной драмой. Через полгода после прибытия в Москву, 7 марта 1757 года, после тяжелой болезни умерла его жена. Спустя неделю после случившегося он сообщал об этом Миллеру, ища у него утешения: «...Милостивый государь! Поскольку я не знаю иного друга кроме вас,

⁵⁵ Дильтей Ф.Г. Первая основания универсальной истории с сокращенною хронологию: В пользу обучающагося российского дворянства. Ч. 1–2. [Москва]: Тип. Моск. имп. ун-та, 1762–1763. См. о нем: Зарецкий Ю.П. История в Московском университете. Начало // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 5 (85). С. 185–192.

⁵⁶ Дильтей Ф.Г. Новое описание сферы, содержащее в себе толкование сферы, ея кругов, движения звезд, древних и новых систем света: С сокращенным изъяснением о употреблении глобусов и мер географических / Переведено с французского на российский язык Василием Кочубеем. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763.

⁵⁷ История Московского Университета. Т. 3. С. 381.

⁵⁸ Дильтей Ф.Г. Панегирик о прерогативах и правах от торжественного коронования происходящих / В высочайший день коронации... имп. Елисавет Петровны... говоренный в университетской аудитории Филиппом Генриком Дилтеем, обеих прав доктором, Курфишеской Могунтинской академии полезных наук членом, прав и истории профессором, и обеих московских гимназий инспектором на латинском языке. Апреля 26 дня 1757 года; Переведен магистром Сергеем Поповым. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1757]. См.: История Московского университета. Т. 3. С. 318–329, 578–579.

кто мог бы разделить мои страдания, милостивый государь, то я беру на себя смелость поделиться с вами своим горем, обрушившимся на меня в эти дни, ибо я потерял мою дорогую половину. [...] Потеря огромна в стране, где я нахожусь. Я убежден, что вы проникнитесь ко мне сочувствием»⁵⁹.

Коллеги и начальство. По-видимому, карьерные успехи давались Дильтею все же нелегко: нужно было привыкать к новому образу жизни, иным университетским порядкам, заводить новые знакомства, выстраивать отношения с начальством и коллегами, преодолевать языковые трудности, решать разнообразные хозяйственные и бытовые вопросы. Впрочем, есть основания полагать, что он смог довольно быстро приспособился ко всем этим новым обстоятельствам. Во всяком случае, через три месяца после прибытия в Москву, в конце декабря 1756 года, он убеждал Миллера, что дела его идут хорошо, и что никакие конфликты с другими профессорами у него не возникают:

В Вашем последнем письме вы меня спрашивали, хорошо ли я лажу с моими коллегами. Имею честь ответить Вам, что я стараюсь вести себя так, чтобы меня не в чем было упрекнуть. Что касается меня, то я их всех люблю и уважаю. Между нами не возникает никаких недоразумений. Если они придерживаются того же самого мнения, то мы можем взаимно поздравить друг друга с искренней дружбой⁶⁰.

Здесь нужно пояснить, что такой подробный ответ Дильтею был вызван не только (а, может быть, и не столько) личными отношениями между обоими корреспондентами, но и особой ролью, которую играл тогда Миллер в делах Московского университета. Будучи ранее на протяжении нескольких лет ректором университета Академии наук⁶¹, имея высокий авторитет и доверие в научных кругах Петербурга, а также пользуясь расположением Шувалова, он оказывал заметное влияние на дела в Московском университете, выполняя роль посредника между куратором и своими корреспондентами-профессорами. Последние охотно и во всех деталях сообщали ему об университетских делах, обращались к нему с просьбами о повышении в должности и прибавлении жалованья, дели-

⁵⁹ История Московского университета. Т. 3. С. 375.

⁶⁰ Там же. С. 216–217.

⁶¹ С 20 ноября 1747 по 18 июня 1750 года.

лись своими мнениями по разным вопросам, оценками, обидами⁶². Дильтей был одним из них.

Вернемся, однако, к отношениям Дильтея с коллегами. Возможно, поначалу ситуация действительно была такой идиллической, как он ее описывал в декабре 1756 года. Хотя скептик может усомниться, особенно в том, что касается исключительной доброжелательности, царившей между профессорами. Не следовал ли Дильтей в своем письме элементарным нормам вежливости? Ведь оно адресовано человеку, по протекции которого получил место, к тому же человек этот занимал в то время высокое положение в Академии наук и, как уже говорилось, оказывал существенное влияние на университетские дела. Или такая оценка была продиктована его состоянием эйфории в первые месяцы работы?

Для сомнений в отношении идиллических отношений Дильтея с коллегами имеются также и более убедительные основания – хотя они, правда, относятся к более позднему периоду. Документы 1757–1759 годов определенно указывают на то, что достижение карьерного успеха – в частности положение первого среди других профессоров – давалось не просто и что его приходилось постоянно отстаивать. Необходимость этого была прежде всего связана с тем, что иерархия должностей в университете тогда только начинала упорядочиваться, и ответы на многие связанные с ней вопросы оставались неясными. Одним из них был вопрос о «старшинстве» профессоров⁶³. Различная трактовка «старшинства» как раз и стала причиной первого документально подтвержденного конфликта Дильтея с другими профессорами.

Накануне истечения срока своего первого контракта, он обратился к Конференции с просьбой выдать ему «аттестат о службе» – это в то время был документ, подтверждавший профессиональные и нравственные качества профессора. Ожидалось, что помимо директора «аттестат» завизируют своими подписями члены Конференции – однако единодушной поддержки от них Дильтей не получил. В протоколе заседания от 2 сентября 1758 года сложившаяся ситуация описывается следующим образом:

Ввиду того, что срок контракта г. профессора Дильтея через несколько месяцев истекает, он просил об аттестате от Конференции о своей службе, поведении и нравственности, на что ему было дано согласие. На следующем

⁶² См.: От берегов Рейна до Тихого океана // Московский университет. 2006. № 1–2 (4150–4151).

⁶³ Об этом подробно см.: Университет в Российской империи. С. 393–396.

заседании ему выдадут таковой за подписью всех членов, кроме профессора Поповского, который не имеет ничего возразить против его поведения или нравственности, но не дает своей подписи под тем, что относится до его служебной деятельности, против которой протестовал и прежде⁶⁴.

Из других документов можно заключить, что эта особая позиция Н.Н. Поповского объяснялась не столько его недовольством служебной деятельностью Дильтея, сколько их постоянными спорами по поводу «старшинства», которое из года в год наглядно воспроизводилось в каталогах университетских лекций, где имена профессоров располагались по иерархическому принципу. С.П. Шевырев замечает, что из-за этих споров в первое время пришлось даже внести различия в русские и латинские версии каталогов, и поясняет:

Замечателен в каталогах лекций, латинском и русском, различный порядок профессоров: в латинском на первом месте стоит Дильтей, в русском Поповский. Эта разница объясняется теми спорами, которые происходили в конференциях между профессорами о старшинстве мест и надоедали директору и куратору. Иностранные ученые требовали, по примеру университетов иностранных, распределение по факультетам в том же порядке: юридический первый, медицинский второй, философский третий. Это мнение, в силу западного обычая, которому подражали, восторжествовало в объявлениях лекций; в заседаниях конференции, однако, велено было наблюдать старшинство службы. Но и в этом заключался опять новый повод к распрям. Поповский считал себя самым старшим, ссылаясь на то, что первый как профессор вступил в должность. Дильтей и Фроманн предъявляли свои контракты, которые были заключены с ними Шуваловым еще прежде вступления Поповского в должность. Дильтей как строгий законник никак не уступал своего места⁶⁵.

Поповский, дабы доказать свою правоту, даже ездил в Санкт-Петербург для встречи с Шуваловым⁶⁶, но определенного решения, по-видимому, не добился. Во всяком случае, начиная с июля 1758 года, когда по приказу директора было решено вести учет присутствующих профессоров в протоколах Конференции, и позднее в каталоге лекций 1759 года, впер-

⁶⁴ Университет в Российской империи. С. 130. 16 сентября 1758 года Дильтей аттестат получил. Там же. С. 133.

⁶⁵ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 56. См. также «Артикул» директора, адресованный куратору. Документы и материалы. Т. 1. С. 126.

⁶⁶ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 79; Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века. С. 275.

вые распределившего профессоров по факультетам, имя Дильтея значится первым. После него следовал представлявший медицинский факультет в единственном числе Керштенс, потом, в философском, профессора следовали в таком порядке: Фромман, Поповский, Рост, Барсов, Савич, Рейхель, Кельнер, Билон⁶⁷.

Сам Дильтей, рассказывая об этих спорах в одном из писем к Миллеру, описывает отстаивание им своей позиции как борьбу за справедливость. Не упуская при этом возможности выставить своего оппонента в самом неприглядном свете:

Что касается субординации профессоров, то было принято решение устанавливать ее в зависимости от старшинства... Но распри продолжают, поскольку господин профессор Фромман подписал свой контракт, как оказалось, раньше господина профессора Поповского. Я подписал свой контракт позже него, но на должность был назначен раньше. Господин профессор Поповский вступил в должность первым и потому настаивает на своем первенстве. Мне не доставило бы труда уступить господину профессору Фромману, хотя он не является ни доктором права, ни профессором права. Мне тем более не составило бы труда уступить господину профессору Барсову, умному и порядочному человеку, но уступить пьянице, человеку, который всегда пренебрегает своими обязанностями... это немного трудно⁶⁸.

Конфликты Дильтея с коллегами, впрочем, не ограничивались только вопросом о старшинстве и не всегда имели благоприятный для него результат. Имя его появляется в протоколах Конференции и в связи с другими обстоятельствами, совсем не академического характера. Так, известность в университете получило разбирательство его ссоры с преподавателем французского языка в гимназии Буайе де Роке, произошедшей в то время, когда Дильтей был ее инспектором. Заметим, что он в этой истории ссорится не только с гимназическим преподавателем, но и со своими коллегами-профессорами.

Что нам известно об этой истории? 27 октября 1761 года по распоряжению куратора университета Федора Павловича Веселовского в Конференции (Дильтей на этом заседании отсутствовал) Буайе де Роке был

⁶⁷ Там же. С. 56–57.

⁶⁸ Цит. по: Протоколы Конференции. Сохранившиеся 45 писем Дильтея к Миллеру заканчиваются февралем 1764 года, наиболее интенсивная переписка между обоими продолжалась в 1757–59 годах. РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера. П. 546. Ч. 2), оп. 2, ед. хр. 15 (Письма к Г. Миллеру от разных osób, по алфавиту расположенные).

сделан был выговор за то, что он подал жалобу на Дильтея в непочтительных выражениях. В ответ тот заявил, «что упомянутый Дильтей, будучи пьян, напал на него в университетской харчевне, схватив за ворот»⁶⁹. После этого обвинения французу было предложено подать письменную жалобу на профессора для рассмотрения на ближайшем заседании Конференции. 3 ноября перед всеми профессорами эта жалоба была зачитана и были также проведены очные ставки со свидетелями. Дильтей немедленно реагировать на прозвучавшие обвинения отказался, потребовав время до следующего заседания для подготовки письменного ответа⁷⁰. 7 ноября в Конференции его «мемория» была оглашена, однако в ней, как записано в протоколе, он «вместо того, чтобы отвергать возведенные на него обвинения, нападает в грубых и оскорбительных выражениях на противную сторону и обвиняет членов Конференции в пристрастности и вероломстве»⁷¹. В итоге было решено не принимать самостоятельного решения в пользу той или иной стороны, а направить дело на рассмотрение куратору. Мы не знаем подробностей того, что произошло дальше, но в протоколе от 8 декабря 1761 года записано, что «проф. Дильтей письменно извинился перед всеми членами Конференции в несправедливо нанесенном им в его заявлении оскорблении, а также отказался письменного от всякого преследования г. Буайе де Роке»⁷².

Скандалы такого рода в университете в то время, впрочем, были едва ли не обыденным делом. Из многочисленных документов видно, что далеко не все тогдашние профессора демонстрировали образцы высокой нравственности. Если не рукоприкладство, то доносы, склоки и взаимные обвинения были частью университетской повседневности. Причем профессора охотно делились порочащими сведениями о своих товарищах с другими, в том числе и с влиятельными петербургскими особами, в особенности с Миллером, к мнению которого – об этом они были прекрасно осведомлены – охотно прислушивались кураторы.

В 1760–1761 годах⁷³ активную переписку с Миллером вел магистр И.Г. Рейхель, в которой кроме прочего подробно рассказывал о безнравственном поведении и малом усердии коллег, занимавших высокое по-

⁶⁹ Документы и материалы. Т. 1. С. 226.

⁷⁰ Там же. С. 227.

⁷¹ Там же. С. 228.

⁷² Там же. С. 230.

⁷³ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера. П. 546. Ч. 8. Портфель 8-я), оп. 2. Ед. хр. 15 (От Профессора Московского университета Рейхеля). Л. 15–40 об.

ложение⁷⁴. В своих письмах Рейхель сообщает, что многие из них предаются «иностранному распутству», и что они «с каждым днем становятся здесь все хуже»⁷⁵. Среди всех он особенно выделяет директора гимназии Шадена и профессора Дильтея. Первого он называет «распутным парнем», который «целует руки бабенкам каждого слободского портного и сапожника, шляется со всеми подряд подмастерьями и за трубку табака позволяет держать себя за дурака»⁷⁶. Такой распутный образ жизни, добавляет он, мешает должным уважению к нему и послушанию учеников гимназии. О Дильтее он рассказывает, что в его доме «нормы разумной христианской умеренности были нарушены» и что однажды тот у Аргамакова «вывалялся в грязи», после чего «пришел ко мне в класс, и ученики начали шептаться», видя такое поведение инспектора. И заключает: «Тьфу на таких руководителей, которые получают 700 рублей, а сами не только ничего не делают, но и такие сети расставляют, что другие честные люди тоже ничего делать не могут»⁷⁷.

Вряд ли Миллер довел эти сведения до университетского руководства – слишком много подобных доносов он получал, да и цену им по своему опыту работы в Академии наук он хорошо знал. Как бы то ни было, но на карьере Дильтея сведения Рейхеля никак не отразились. С Шуваловым отношения у него всегда были отдаленными и ровными – во всяком случае, никаких следов недовольства с обеих сторон в документах не обнаруживается. То же самое можно сказать и по поводу его отношений с назначенным в 1760 году куратором бывшим дипломатом Федором Павловичем Веселовским. Нет в документах и свидетельств каких-либо его размолвок с директором А.М. Аргамаковым, в доме которого он сначала жил – как и со сменившим его И.И. Мелиссино.

Ситуация стала меняться только с появлением в университете новых руководителей после воцарения Екатерины II. Вместо Веселовского 21 октября 1762 года на должность куратора императрицей был назначен Василий Евдокимович Адодуров – математик, переводчик и лингвист,

⁷⁴ Как было сказано выше, сам Рейхель в 1760 году, будучи магистром, получал 300 рублей в год.

⁷⁵ Цит. по: Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey. S. 209.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid. К этой последней истории нужно добавить по крайней мере два комментария. Во-первых, Рейхель вспоминает в ней о событиях по меньшей мере трехлетней давности. Во-вторых, он явно путается в датах: инспектор Дильтей не мог прийти к нему в класс от Аргамакова, поскольку был назначен инспектором почти через месяц после его кончины.

получивший образование сначала в Новгородском духовном училище, а затем в Славяно-греко-латинской академии и Академической гимназии. С императрицей их связывало давнее знакомство: с марта 1744 года Адодуров был учителем русского языка Софии, принцессы Ангальт-Цербской, вскоре ставшей великой княгиней Екатериной Алексеевной, женой наследника русского престола Петра Федоровича. Ее доверительное отношение к Адодурову сохранилось и позднее – в 1756 году она называла его своим другом (*mon ami Adadourou*)⁷⁸, а после вступления на всероссийский престол ее расположение к бывшему учителю проявилось в целом ряде назначений и должностей: тайного советника, президента Мануфактур-коллегии, сенатора в Московской сенатской канцелярии. Новое кураторство также связывали давние отношения с Миллером, у которого он учился в гимназии Академии наук. Во время опалы Адодурова и его ссылки в Оренбург (с апреля 1759 по июль 1762 года) между обоими велась активная переписка, из которой мы узнаем, что Миллер помогал своему бывшему ученику присылкой книг и журналов, в которых тот особенно нуждался для воспитания дочери. По возвращении его из ссылки она продолжалась и после назначения Адодурова куратором стала включать разнообразные вопросы, связанные с работой университета. В большинстве случаев в письмах этого времени он обращается к своему старшему товарищу за советом и помощью⁷⁹.

Вслед за назначением куратором Адодурова произошла и смена директора – им в 1763 году стал выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, университетский асессор, в чьи обязанности прежде входило наблюдение за университетской типографией (ее директор с 1757 года) и библиотекой («овер-библиотекариус»), тридцатилетний Михаил Матвеевич Херасков. Он был уже тогда известен своими поэтическими сочинениями и любовью к театру и возглавлял группу литераторов, объединившихся вокруг Московского университета⁸⁰. Дом же Хераскова, поскольку в нем регулярно собирались писатели и поэты для чтения своих сочинений, слыл центром литературной жизни Москвы.

⁷⁸ Цит. по: Платонов С.Ф. Первый русский академик В.Е. Адодуров // Огонек. 1926. № 1. С. 12.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера. П 546. Ч. 1), оп. 2, ед. хр. 1. Л. 1–170 об. (Письма от сенатора, действ. тайн. Советника Адодурова 1760–1770 гг. Всего 119 писем).

⁸⁰ См.: Кочеткова Н.Д. Херасков Михаил Матвеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 344–361.

За этими назначениями последовали изменения в стиле руководства университетом. Новый куратор, в отличие от своих предшественников, стал часто бывать в Москве и непосредственно участвовать в университетских делах: присутствовал на заседаниях Конференции, оказывая на профессоров прямое давление, контролировал их работу и даже лично экзаменовал студентов⁸¹. 3 февраля 1765 года им был подписан ордер, ужесточивший учет присутствия профессоров на заседаниях Конференции. Согласно этому документу, в протоколах теперь должны были содержаться не только их имена, но и их личные подписи, а также время прихода и ухода каждого. Кроме того, Адодуров стал требовать от Хераскова контроля за повесткой дня заседаний Конференции⁸², да еще согласований и детальных отчетов по всем кадровым и финансовым вопросам, включая самые малозначительные⁸³. Похоже, что он действительно видел в университете свою вотчину, а в директоре – ее управляющего, которому надлежало строго исполнять распоряжения своего начальника⁸⁴.

Часть 3. Отставка и челобитная

И грянул гром. Назначение Адодурова куратором и последующие за этим назначением перемены самым непосредственным образом повлияли на дальнейшую судьбу Дильтея. Но не сразу. В первое время после смены руководства его служба шла своим чередом: он продолжал свою каждодневную преподавательскую и ученую деятельность, по-прежнему значась «старшим» среди профессоров. С 1760 года история окончательно исчезает из списка преподаваемых им в университете дисциплин (хотя он время от времени читает ее частным порядком на дому), и он целиком отдается чтению лекций по естественному праву, а в 1762–1763 годах также и римскому.

1 марта 1764 года на заседании Конференции обсуждался вопрос о способе преподавания российского права – этот предмет вводился в уни-

⁸¹ См.: Университет в Российской империи. С. 243.

⁸² См. об этом: Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: история создания и использования. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 9 (Препринт WP19/2013/01).

⁸³ См.: Документы и материалы. Т. 2. С. 38.

⁸⁴ Сердюцкая О.В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Дисс... канд. ист. наук. С. 241.

верситетскую программу впервые. В связи с предстоящим чтением нового курса Дильтею было поручено подготовить соответствующий план, который 20 марта он и представил⁸⁵. План, однако, содержал предложения, которые далеко выходили за рамки собственно курса и предлагали изменения в организации университетского преподавания в целом. В них, в частности, обращалось особое внимание на важность подготовки студентов в гуманитарных науках и философии как необходимым предварительным условием для обучения праву, определялся порядок преподавания юридических дисциплин и их место в программе университета, а также соотношение этих дисциплин с российским правом⁸⁶.

В заключительной части документа содержались конкретные предложения профессора по оказанию университетом помощи в реализации предложенной им программы:

А чтобы эти науки могли преподаваться с пользой, профессор права испрашивает для себя двоякого рода помощь: во-первых, чтоб от университета были ему сообщены все русские законы; во-вторых, чтоб ему дали двух студентов, которые уже занимались правом, для чтения русских законов и расположения их по порядку⁸⁷.

Никаких признаков будущих неприятностей для Дильтея ни в этом, ни в других протоколах заседаний Конференции весны-лета 1764 года не обнаруживается. 30 июня в университете начались каникулы, которым предшествовало торжественное собрание, приуроченное ко дню восшествия на престол Екатерины II. На этом собрании Дильтей прочитал публичную лекцию на латинском языке – «Панегирик... об отличии истинной и точной юриспруденции от ложной»⁸⁸, после чего, по-видимому, уехал из Москвы. До этого он заручился согласием Конференции опубликовать в «Московских ведомостях» объявление о его планах на следующий учебный год (подобного рода объявления в газете, издававшейся при университете, печатались с одобрения Конференции). Напечатанное в газете дважды, 6 и 9 июля, оно недвусмысленно свидетельствова-

⁸⁵ Документы и материалы. Т. 1. С. 283–285.

⁸⁶ Документы и материалы. Т. 1. С. 284–285. Перевод с латинской версии. Вверху помета Дильтея о том, что это копия документа, представленного в Конференцию, оригинал которого находится в протоколах Конференции.

⁸⁷ Там же. С. 285.

⁸⁸ Dilthey Ph. G. Panegyricus... disserens de vera ac genuina jurisprudentia a falsa ac spuria merito distinguenda. Moscuae: Universitatis Moscoviensis, 1764.

ло о намерении профессора читать в 1764/65 учебном году бесплатные лекции по юриспруденции на дому для всех желающих:

Обретающийся при Императорском Московском Университете Юриспруденции Доктор и Профессор господин Дилтей объявляет через сие, что он намерен, зачиная сего Июля с 17 числа, по средам и субботам от 2 до 4 часов по полудни, безденежно преподавать приватныя лекции на Французском языке о натуральном праве, яко главном основании всех в свете прав, со окончанием целого курса через год. Желающие оными лекциями пользоваться, явиться могут в дом реченного господина Профессора, состоящем на Козьем болоте в приходе церкви Спиридона Чудотворца.

Но вскоре что-то произошло. Содержание следующего объявления в «Московских новостях» с упоминанием имени Дильтея, также напечатанное дважды, 20 июля и 3 августа, явно стало неожиданностью для многих читателей газеты, в особенности тех, кто принял решение записаться в слушатели профессора. Это было сообщение о его отставке. Причем читатели не могли не обратить внимание на содержащиеся в объявлении формулировки: говорилось, что Дильтей не «уволился», а «уволен»; всем, имеющим к нему «требования», предлагалось немедленно обратиться в университет; и, наконец, объявлялось о необходимости замещения в срочном порядке его должности:

Находившийся при Императорском Московском Университете обоих прав Доктор и оных же так как и истории Профессор господин Дилтей от Университета уволен, и намерен отселе ехать, о чем как для имеющих до него каких требования, так и для желающих на место его в службу при Университете вступить искусных в Юриспруденции людей, чрез сие объявляется, дабы оные немедленно в реченном Университете явились⁸⁹.

Не вызывает сомнений, что полученное таким способом известие об отставке стало для профессора полной неожиданностью. Как юрист он прекрасно знал все детали своего контракта, в частности, что по истечении его срока он продлевался автоматически, а в случае его расторжения (точнее, невозобновления), профессора об этом должны были уведомить заблаговременно. Правда, формально срок его действующего контракта как раз и истекал через три месяца после объявления об увольнении в

⁸⁹ Московские Ведомости. 1764. № 58.

«Московских новостях»⁹⁰, но он мог быть расторгнут только по инициативе профессора. И получить уведомление об увольнении в такой возмутительной форме!

Узнав о случившемся, Дильтей сначала безуспешно попытался оспорить законность своей отставки в университетской канцелярии, после чего в поисках справедливости отправился в Санкт-Петербург.

Подача челобитной. В столице через статс-секретаря Екатерины II Г.Н. Теплова он подал жалобу на университет самой императрице⁹¹. Содержание ее дальше передается в русском переводе, который цитируется в докладе Екатерине пятого московского департамента Сената⁹².

Из документа следует, что претензии Дильтея к университету не ограничиваются несправедливым увольнением – они оказываются многочисленными, разнообразными и подробными. Так, он жалуется, что «не возвращали ему 27 рублей из лишне взятых за первый том универсальной его истории целый год»⁹³, что «жалование его не сказывая за что удерживано три трети из прибавленных по контракту его денег, ис которых ему за первую треть выдано только 33 рубли, 33 копейки с четвертью, а 66 рублей 66 копеек удержано», что «для обучения юриспруденция, которой по университетскому регламенту и по особливым Вашего Величества повелениям учить должно, студентов, не дадено ему более года, и никакого о том попечения не имели невзирая на его письменные и словесные представления», что он «лишен старшинства, которое отдано младшему профессору», и, наконец, что «не только ему по прозбе его в том удовольствия не учинено, но бесчестным образом объявля что время его контракта миновало, по которому б надлежало о отрешении объявить за три месяца, сие наруша во время ваканция, отрешен он, и в газетах напечатано что намерен он выехать из государства, не справясь, желает ли он того, в чем и подпясей от него требовано, а потом против его жалоб начато рассматриваться его дело»⁹⁴.

Отдельными пунктами в челобитной отмечаются несправедливость по отношению к Дильтею куратора («что г[оспо]д[и]н куратор страшает его,

⁹⁰ См.: История Московского университета. Т. 2. С. 226.

⁹¹ Оригинал челобитной, написанный на французском языке разыскать не удалось. Ее пересказ в русском переводе см.: ГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 467 (Челобитные разных лиц Екатерине II и переписка по ним (включенные в журнал). 1764 г.). Л. 293–297.

⁹² См.: РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5–9 («О ссорах профессора Ф.Г. Дильтея с куратором В.Е. Адодузовым»).

⁹³ Книга издавалась Дильтеем в университетской типографии за его счет.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5–5 об.

что он должен заплатить денежной штраф директору за то что будто его обесчестил, но директор дал ему письменные рекомендации, из которых видно, что он и был доволен, и сам признает учиненную ему канцеляриею обиду») и самоуправство университетской канцелярии («что бран он в противность университетского регламента в суд канцелярии, которая самовластно вступается не в своя дела и принуждает его отдать подлинной контракт его, чего он сделать не может» и «что хотя г[оспо]д[и]н куратор приказал его скорее отправить, но по многократным его прозбам через две недели не мог получить ни апшида⁹⁵, ни пашпорта...») ⁹⁶.

Просил же Дильтей императрицу, чтобы «по ревностному его к бытию в службе... с награждением против прочих его товарищей определить его паки к университету», и его убытки на проезд и пребывание в Санкт-Петербурге вернуть по возвращении в Москву, «и контракт с ним заключить вновь... о заключении вновь которого он неоднократно просил... и дать бы ему для обучения юриспруденции и греческому языку студентов». Если же его желание о возвращении в университет не могло быть удовлетворено, то тогда он просил «за восьмилетнюю его службу дать бы ему апшид от конференции, то есть от собрания профессоров, а не от канцелярии под ведением которой он не состоит». И снова настаивал на компенсации финансового ущерба: «...а до получения оного абшида все его денежные претензии и жалованье выдать» ⁹⁷.

Начало разбирательства. Обращение профессора немедленно получает высочайший отклик. В письме Теплова Адодурову от 11 октября 1764 года, к которому была приложена выписка из челобитной⁹⁸, содержалось требование незамедлительно представить ответы на высказанные Дильтеем претензии:

Всемиловитейшая Государыня мне повелеть соизволила: потребовать от университета на то пояснения, дабы ему, Дильтею, решительную резолюцию сделать можно было. Покорно Ваше превосходительство прошу на сие ответ незамедля прислать, так как он, Дильтей, так как человек иностранной, проживается здесь принужден⁹⁹.

⁹⁵ Абшид (от нем. Abschied) – в данном случае письменное свидетельство об увольнении.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5 об.

⁹⁷ Там же. Л. 6.

⁹⁸ Это приложение разыскать не удалось.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 2.

Через неделю Адодуrow сообщает Теплову, что подробные разъяснения в связи с обвинениями Дильтея готовятся («на все пункты онаго Дильтеева прошения объяснение с показанием точных обстоятельств с будущемо почтою прислано быть имеет») и прибавляет, что эти обвинения несправедливы, поскольку вызваны необоснованными претензиями профессора и его личными обидами:

Я несомненно уповаю, что Ваше Превосходительство по получении онаго изволите довольно увидеть несправедливое во всем онаго Господина Дильтея нарекание, которое он произнес единственно за неопределение его Командиром в Казанския Гимназии¹⁰⁰ с многими весьма невозможными его запросами, не меньше ж и за неприем в университет по назначенным от него высоким ценам его книг, печатанных в университетской типографии на его счет, за которые он казне был должен¹⁰¹.

Удивительно, что Адодуrow по каким-то причинам ничего не говорит в этом первом ответе о главном – увольнении Дильтея. Но зато его следующее письмо от 22 ноября 1764 года как раз посвящено подробным разъяснениям по поводу отставки профессора: Адодуrow убеждает Теплова, что университет был *вынужден* уволить Дильтея, дабы попусту не тратить на его содержание средства из императорской казны. Главное же обвинение университетской администрации в его адрес сводилось к тому, что он заботился в первую очередь о доходах от частных занятий, а не о добросовестном исполнении своих обязанностей профессора и инспектора гимназии. Кроме этого куратор сообщал статс-секретарю, что Дильтеем совершались недостойные поступки и выдвигались к университету неоправданные требования. В заключении письма Адодуrow докладывал, что на место Дильтея уже принят другой профессор, который успешно преподает юридические науки, и заверял, что никаких личных предубеждений в отношении Дильтея он не имеет:

Милостивый государь мой Григорий Николаевич.

Требуемое Вашим Превосходительством объяснение на сообщенныя мне из Дильтеева челобитья пункты прилагая при сем, уповаю, что из онаго изволите усмотреть, сколь несправедливо все его нарекание. А как он не стараясь о пользе Университета и учащихся употреблял все рачение к одному своему прибытку, и в своих лекциях також и в смотрении за пенсионерами против

¹⁰⁰ Очевидно, имеется в виду должность инспектора.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1.

его обязательств оказался нерадив; студенты же и к слушанию его лекций никакого желания не оказывали и ходить на оные не хотели, что как от Господина Директора мне представлено так и от некоторых Профессоров подтверждено было, и потому наводило сумнительство, не от непорядка ли какого в преподавании оных то нехотение происходило; а сверх того он Дилтей еще и до моего в Университет вступления находился в некоторых непорядках, о чем в объяснении хотя и умолчано, но явно по журналу университетской Конференции, притом же и многими своими запросами чинил невозможные требования: то я его в прошедшем июле месяце, чтобы на него Ея Императорского Величества жалование напрасно производимо не было и юридической как нужной класс не мог бы оставаться бесплодно, принужден был и отрешить, а на его место с общего всех Профессоров согласия и по учиненному в полном присутствии всего Университета в большой аудитории опыту определить Профессором Юриспруденции Господина Лангера, с которым и контракт формальной заключен, и он Лангер юридические лекции отправляет с изрядным успехом, имея у себя студентов четырнадцать человек. Чего ради Ваше Превосходительство прошу Вашим старанием Университет от оного Дилтея для показанных в объяснении обстоятельств избавить, которому ныне при Университете за определением друга Юриспруденции Профессора уже и места не остается, и чтобы и другим не было поводу приходить чрез каковое либо пренебрежение в слабость ежели им можно будет делать что похотят, от чего кроме худых следствий ожидать иного будет нечего. Ваше Превосходительство можете быть уверены что я притом никакого пристрастия и собственных своих видов не имею, и иметь не могу, пребывая впротчем с должнейшим почтением

Вашего Превосходительства
Милостивого Государя моего
всепокорный слуга Василей Адоуров
В Москве
22. Ноября, 1764¹⁰².

Чтобы прояснить ситуацию со спешным приемом в университет нового профессора юриспруденции, здесь придется снова сделать отступление. Из сохранившихся документов мы узнаем, что за несколько месяцев до объявлений в «Московских новостях» об увольнении Дилтея Адоуров стал тайно подыскивать ему замену. 12 февраля 1764 года он обратился за помощью в этом деле к Миллеру, объясняя необходимость замены истечением срока контракта Дилтея¹⁰³.

¹⁰² РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 4–4 об.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 199 (Портфели Миллера. П 546. Ч. 1), оп. 2, ед. хр. 1 (Письма от сенатора, действ. тайн. Советника Адаурова 1760–1770 гг.). Л. 126 об.

19 февраля он снова напомнил Миллеру об этом¹⁰⁴ и 8 марта еще раз повторил свою просьбу¹⁰⁵. Вскоре после этого Миллер рекомендовал ему кандидатуру Карла Генриха Лангера, который в то время жил в Петербурге. И за пять дней до публичного объявления об увольнении Дильтея, 15 июля, Адодуров уже докладывал Миллеру, что принял Лангера по его рекомендации – заочно, не будучи даже с ним знаком и не имея представления ни о его биографии, ни о его научных заслугах. И при этом извинялся, что не может предложить ему больший, чем у других профессоров оклад¹⁰⁶.

Просьба сообщить о подробностях академической карьеры нового профессора, содержащаяся в этом письме Адодурова, явно поставила Миллера в затруднительное положение. Однако с гораздо большими трудностями столкнулся куратор, когда вскоре выяснилось, что Лангер не только не имеет печатных работ, но и никакой ученой степени – не то, что доктора или магистра, но даже бакалавра. И в поисках выхода из неудобного положения в следующем письме Миллеру от 29 июля он с неизменным почтением высказывает пожелание, чтобы к моменту вступления в должность (то есть к концу лета) Лангер каким-то образом (интересно, каким?) получил «градус доктора юриспруденции»¹⁰⁷. В этом же письме Адодуров впервые в достаточно неопределенной формулировке сообщает Миллеру об увольнении Дильтея, а также что Лангеру предстоит взять на себя его обязанности.

Впрочем, известно, что, несмотря на отсутствие научных заслуг, Лангеру удалось вполне успешно интегрироваться в профессорскую корпорацию университета: на протяжении девяти лет своей службы он читал лекции, которые пользовались успехом у студентов, и именовал себя в официальных документах «обоих прав доктором»¹⁰⁸. Хотя в качестве «памятников ученой деятельности» оставил всего четыре латинские речи¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Там же. Л. 127.

¹⁰⁵ Там же. Л. 128.

¹⁰⁶ Там же. Л. 139–139 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 141.

¹⁰⁸ См.: Университет в Российской империи. С. 347.

¹⁰⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Т. I. С. 447 (биография Лангера составлена В.Н. Лешковым). См. новое издание одной из его речей: Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки = *De ambitu et praecipuis doctrinae politicae scriptoribus*: торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могуущественной Всероссийской импе-

Часть 4. Сенатское расследование и новые гонения в университете

Расследование. Но вернемся в ноябрь 1764 года. Дильтей в это время живет в Петербурге, ожидая ответа на поданную челобитную. Что происходит дальше? Дело все больше приобретает серьезный оборот: аргументы Адодурова, приведенные в переписке с Тепловым, Екатерину не удовлетворяют, и 13 декабря она направляет в Сенат собственноручно подписанный указ о проведении специального расследования по челобитной Дильтея¹¹⁰.

Тут, кажется, самое время задаться вопросом о причинах такого исключительного внимания августейшей особы к судьбе опального профессора. Возможно, дело заключалось в его прежних связях с императорским двором, в частности в его участии в екатерининской Комиссии по подготовке реформы народного образования¹¹¹. Как считают, императрица поручила Дильтею подготовить предложения на этот счет в самый разгар критики в его адрес¹¹². Но, возможно, просто в том, что случай был экстраординарный: впервые профессор Московского университета обращался с жалобой на университетские порядки к самой императрице. Впрочем, не исключено, конечно, что сыграли свою роль обе эти причины.

Как бы то ни было, но механизм расследования, продолжавшегося почти год, был запущен. Его ход можно проследить по переписке членов сенатской комиссии с университетом, главной целью которой было уяснение справедливости взаимных претензий: профессора, с одной стороны и университетского руководства в лице его куратора и директора с другой. Претензии университета в данном случае выступали в качестве

ратрицы исамодержжи Екатерины II Великой, 1771 г. апреля 22 дня. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 5 (получен в Сенате 24 декабря 1764 года).

¹¹¹ См. об этом: Сердюцкая О.В. Московский университет второй половины XVIII в. как государственное учреждение. Дисс... канд. ист. наук. С. 48.

¹¹² Donnert E. Philipp Heinrich Dilthey. S. 210. М.Ю. Андреев относит время подачи Дильтеем его «Плана об учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов» к ноябрю 1764 года, ссылаясь на оригинал документа на русском и латинском языках. См.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века. С. 271. «План» впервые опубликован в сборнике: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII – XIX в. / сост. С.В. Рождественский. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1910. С. 10–44.

обоснования увольнения Дильтея и касались трех основных моментов: его «неприлежания» в исполнении служебных обязанностей, совершения им «худых поступков» и его профессиональной некомпетентности, продемонстрированной при написании вышеупомянутых двух томов «Универсальной истории».

Первый запрос комиссии от 20 января 1765 года был адресован канцелярии и в качестве приложений содержал два документа: подлинную челобитную Дильтея и ответ на нее университета, в котором канцелярия «означенное челобитье его во всем проверяет, описывая притом и ево Дильтея по бытности в университете многие неисправности и непорядки»¹¹³. Теперь, ссылаясь на указ императрицы, комиссия приказывала канцелярии собрать подлинники всех документов, относящихся к претензиям обеих сторон, и вместе с их описью немедленно отправить в Сенат¹¹⁴.

Последний запрос Сената в канцелярию был составлен 28 октября 1765 года и включал требование представить семь документов: 1) Посвящение ко второму тому «Универсальной истории» Дильтея с пояснениями, «за какою неисправностию напечатать и публице показать было неможно и стыдно, и об оном объяснить обстоятельно и показать, в чем именно та неисправность другим поправлена»¹¹⁵; 2) документально подтвержденные сведения о количестве прочитанных Дильтеем лекций и числе его студентов с указанием их имен¹¹⁶; 3) оригиналы «репортов», подтверждающих «нерадение» Дильтея, а «буде тех репортов ни от кого не было, то почему и кем он Дильтей признан нерадивым и неприлежным к ево должности»¹¹⁷; 4) сведения о том, где раньше работал Лангер,

¹¹³ Документы и материалы. Т. 2. С. 36.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 189.

¹¹⁶ В связи с неоднократно звучавшими со стороны университетской администрации обвинениями Дильтея в малочисленности слушателей его лекций, нужно иметь представление об общем количестве студентов в университете в это время. По подсчетам исследователя, до конца 1770-х годов «максимальное число принятых в студенты не превышало 36 человек, а среднее число составило 15 поступающих за год» (Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. С. 37). В 1759-м году, например, из учеников гимназии было произведено 18 человек, 1760-м – 20, 1761-м – 8 (Там же. С. 48). Причем не все они задерживались в университете. Причины были разные, но чаще всего это были правительственные указы, по которым студенты переводились в другие учреждения. По тем же подсчетам, из всех принятых с 1759 по 1761 год в 1764 году оставалось всего 16 (Там же. С. 51). После возвращения Дильтея в университет практика перевода студентов на государственную службу продолжалась.

¹¹⁷ Документы и материалы. Т. 2. С. 189.

какие он имеет научные заслуги и на какое время с ним заключен контракт; 5) разъяснение относительно юридического положения Дильтея на момент увольнения: работал ли он по действующему контракту, а если нет, то почему; 6) «которого числа ему Дильтею от университета на проезд его в отечество двести рублей выдано»¹¹⁸; 7) «Поданное от Дильтея письмо, которым он просил сенатора тайного советника и куратора... о удовольствовании ево по контракту и о скорейшем отпуске подлинное взнестъ в сенат»¹¹⁹.

Понятно, что два последних требования были для канцелярии наиболее трудными: как потом показало расследование, никаких денег на отъезд из России Дильтею от университета не получал и о своем увольнении никого не просил. Остальные материалы для подачи в Сенат готовились с особой тщательностью. Это хорошо видно на примере двух документов, которые по мнению университетского начальства должны были доказать правоту обвинений в профессиональной некомпетентности профессора.

Первый представляет собой текст посвящения великому князю Павлу Петровичу, написанный на французском языке рукою Дильтея и предназначенный для второго тома его «Универсальной истории»¹²⁰. Второй, гораздо более пространный, – разбор «неисправностей» этого посвящения, размещенный в двух колонках (в левой воспроизводится текст Дильтея, в правой – исправление ошибок с пояснениями), преподавателя французского языка Якова Прекло де Лери¹²¹. Вступление и заключение, написанные для сенатской комиссии Адогуровым, разъясняют, кем и для какой цели этот разбор был предпринят.

Во вступлении к документу, фактически представляющем собой его развернутое заглавие, читаем:

Объяснение бывшего при Московском университете лектором французского языка де Лерия на вышеприложенное приношение Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, написанное Дилтеем к второй части ево Универсальной истории, почему онаго так, как оно им Дилтеем сочинено было, напечатать и публице показать не можно, и что находящиеся в нем погрешности не только против чистоты

¹¹⁸ Документы и материалы.

¹¹⁹ Там же. С. 189–190.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 10–10 об.

¹²¹ Там же. Л. 11 – 12 об.

свойства французского языка, но и против здравого разсуждения состоят в нижеследующем, а имянно...¹²²

Затем следуют исправления Прекло де Лери и в конце свидетельство Адодурова о том, что посвящение в книге было напечатано только после серьезной правки француза:

И за оным в Дильтеевом сочинении неисправностями означенным де Лери-ем то приношение не только переправлено, но совсем вновь сочинено, и по его сочинению и напечатано. И если бы оное сличить с первым, которое Дильтеем сочинено и его рукою написано, то всякому можно тотчас увидеть, какая между обоими оными сочинениями есть разность¹²³.

В ответ на запрос Сената университетом были подготовлены и другие разъяснения, хотя не такие подробные и не столь обстоятельно аргументированные.

Доклад Сената. Расследование жалобы Дильтея завершилось в конце 1765 года, и 29 декабря его результаты были направлены императрице. Представленный Екатерине документ состоял из пяти параграфов и заключительной части, в которых давались ответы как на претензии Дильтея, так и на обвинения в его адрес. Выводы сенатской комиссии оказались для университета неутешительными: почти по всем пунктам она заняла сторону профессора.

Так, в первом параграфе делалось заключение, что Дильтей не мог быть уволен без собственного на то согласия, что увольнение могло произойти не позднее, чем за три месяца до истечения действующего контракта, а также, что больше двух лет его контракт вообще не продлевался. К этому заключению добавлялось, что никаких документально подтвержденных следов порочащих его поступков у университета не имеется и специально пояснялось, что о «нерадивости» Дильтея в отношении чтения лекций известно только со слов директора, в университетских же документах это обвинение никак не подтверждается¹²⁴. Во втором приводились аргументы в поддержку высокого профессионального статуса профессора и его заслуг перед университетом. В третьем сообщалось, что никакого документа, свидетельствующего о желании Дильтея уво-

¹²² Там же. Л. 11.

¹²³ Там же. Л. 12 об.

¹²⁴ Там же. Л. 6 об.

литься с профессорской должности, университетом представлено не было – тем самым ставилась под сомнение законность его отставки¹²⁵.

Четвертый содержал подробный анализ обвинений Адодурова в ошибках «дедикации» второго тома «Универсальной истории», о которых говорилось выше. Он стоит того, чтоб остановиться на нем специально, поскольку отчетливо демонстрирует обвинительный уклон материалов, представленных университетом. Заключение Адодурова, что из-за ошибок Дильтея в посвящении к книге «будто бы оную и публике показать было стыдно»¹²⁶, сенатской комиссией было категорически опровергнуто. Более того, в «исправлениях», сделанных Прекло де Лери, ею были обнаружены ошибки¹²⁷. Общее же заключение в отношении текстов Дильтея и Прекло де Лери было следующим: «и хотя у одного с другим находится некоторая разность, однако ж как в первом столь безмерной непристойности чтоб публике показать было стыдно не предусматривается, так и в последнем исправлении отменного превосходства непримечательно». Впрочем, комиссией здесь была сделана оговорка, что учитывая мнение куратора, «сенат и не может взять на себя исследование оного во всех подробностях», и потому «изобрел всеподданнейше поднести оное в оригинале к высочайшему вашего императорского величества предумотрению» (то есть приложить к этому заключению французские тексты Дильтея и де Лери)¹²⁸.

Пятый параграф касался требования Дильтея о выплате ему жалования «за то время, как он без делания ево был отрешен от должности»¹²⁹, и окончательное решение по нему комиссия также передавала императрице. При этом, однако, она предлагала принять во внимание пользу, которую Дильтей принес университету за годы службы.

В заключительной части давалось «особое определение» в адрес университетской канцелярии (то есть Хераскова), в котором отмечался ряд серьезных нарушений установленного порядка при увольнении Дильтея:

... Что ж об отрешении ево в университетской канцелярии определение учинено 1764 июля 24-го, а об отъезде ево в газетах прежде было напечатано,

¹²⁵ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 7.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Л. 7 об.

¹²⁸ Там же. Л. 7 об. – Л. 8.

¹²⁹ Там же. Л. 8.

да и апшид следовало дать от конференции университетской а не от коллегии иностранных дел, ибо от оной даются пашпорты для проезду за границу, а не апшиды, также и во учиненном с Дилтеем расчете в числах оказалось рознь, и для того канцелярии университетской посланным из сената указом велено впредь в таких делах поступать осмотрительно¹³⁰.

Определенно отказала комиссия челобитчику только в заявленном им размере денежной компенсации и удовлетворении ряда нефинансовых претензий, которые она посчитала в одних случаях чрезмерными, в других мелочными:

Что ж оный же Дилтей просил о удержанных у него деньгах, о лишении старшинства, о устраивании ево денежным штрафом и о требовании от него в канцелярию прежнего контракта, и в нескором его канцеляриею отправлении, то по рассмотрению обстоятельства оказалось в недаче ему жалования только 88 копеек, три четверти, кои от канцелярии университетской ему и выдать велено, а прочая ево вышеописанная претензия важности в себе как из дела видно не имеет, и в том ему отказать...¹³¹.

В целом же, как мы видим, выводы сенаторов были для Дильтея в высшей степени благоприятные. Хотя праздновать победу ему было еще рано – последнее слово оставалось за императрицей. К тому же, сам он в это время об этих выводах мог еще и не знать.

Новая кампания в университете. В Москве тоже не подозревали ни о том, что расследование завершено, ни тем более о его результатах. Новости пришли неожиданно в виде слуха – хотя и полученного из надежных источников. Как рассказывает об этом С.П. Шевырев, «профессор Керштенс, в конце 1765 года возвратясь из Петербурга, привез известие, слышанное им от академика Миллера и двух сенаторов, что Дильтей оправдан во всех своих поступках»¹³². Однако это безусловно неприятное для Адодурова известие его не остановило, и вскоре после его получения в университете начались новые преследования профессора¹³³.

Состояли они в основном в сборе сведений, которые могли бы доказать обоснованность принятого полтора года назад решения о его уволь-

¹³⁰ Там же. Л. 8 об.

¹³¹ Там же.

¹³² Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 132.

¹³³ Там же.

нении. Куратора особенно интересовали регулярность чтения им лекций, его «худые» поступки и недостатки его исторического сочинения.

Начало этим новым разбирательствам положило обсуждение его «Универсальной истории». На заседании Конференции 11 января 1766 года в присутствии Адодурова и по его инициативе профессорам было неожиданно предложено высказаться в отношении этого сочинения, а именно «считают ли они эту книгу пригодной для изучения в гимназии»¹³⁴? Заключение, как можно догадаться, оказалось отрицательным. И дело тут было, скорее всего, не только в давлении на членов Конференции, но и в том, что книга Дильтея совершенно определенно была предназначена не для гимназического, а для домашнего обучения¹³⁵. В протоколе, однако, приводились другие аргументы: «а) принятый им метод вопросов и ответов (катехизический) служит причиною излишнего многословия, б) вдобавок, история – неполная, поскольку она продолжается до времен Августа, в) она является ничем иным, как компиляцией и переложением сочинения Массуэта с добавлением множества ошибок»¹³⁶. Следом было сделано не относящееся прямо к теме обсуждения добавление, явно имевшее задачу усугубить высказанные обвинения в заимствованиях Дильтеем из сочинений других авторов: «Кстати припоминается, что в последней своей речи он совершил плагиат, вставив целую страницу из Гейнекия в свое рассуждение»¹³⁷.

А через две недели после этого куратором был направлен в Конференцию «ордер», требующий от профессоров собрать все, какие только можно, сведения, порочащие Дильтея. Как поясняет все тот же С.П. Шевырев, «по многократному и настойчивому требованию Адодурова, профессора должны были дать показания касательно нерадения Дильтея к должности и его поведения»¹³⁸.

¹³⁴ Документы и материалы. Т. 2. С. 207.

¹³⁵ Об этом совершенно определенно сказано в ее предисловии. О том же косвенно свидетельствовало и определение адресата в ее названии: «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологию в пользу обучающагося российского дворянства» (курсив мой. – Ю. З.).

¹³⁶ Документы и материалы. Т. 2. С. 207–208.

¹³⁷ Документы и материалы. Т. 2. С. 208. Что касается выбора книги по истории для гимназических нужд, то было решено перевести «Историю» Иеронима Фрейера и предложить подготовку ее к печати Рейхелю, в то время уже ординарному профессору, а перевод ее возложить на студента Харитона Андреевича Чеботарева – впоследствии первого ректора университета.

¹³⁸ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 133.

И тут снова стоит обратиться к подробностям этой новой кампании. По-видимому, во время его присутствия на заседании Конференции 29 декабря предыдущего 1765 года куратору было сообщено об уже упоминавшейся раньше ссоре Дильтея с Буайе де Роке, а также о том, что документы об этой ссоре в университете не сохранились. Теперь Адодуров потребовал, «чтоб гг. профессоры, находящиеся в то время, когда оное дело произошло, не меньше и о прочих его худых поступках и о неприлежании, что им известно, объявили в Конференции об оном письменно»¹³⁹. Детализированная установка Адодурова на поиск *всех* компрометирующих Дильтея сведений, в том числе и не относящихся к конкретному инциденту, весьма показательна. Показательна и его настойчивость — дальше в «ордере» эта установка снова повторяется и разъясняется: профессора должны были письменно уведомить куратора, сообщив подробности также и о «прочих же его Дильтея худых поступках и о неприлежании в порученной ему при университете должности, и что он Дильтей не только часто на лекциях не бывал, но, когда ему быть и случалось, то приходил уже во втором и последнем часу, и часто же выходил, не читав лекций, как я от господина директора и от самих бывших того 29 числа декабря в Конференции господ профессоров слышал...»¹⁴⁰.

Несмотря на такое неприкрытое давление, никаких конкретных сведений, порочащих Дильтея Адодурову получить не удалось. Как суммирует итоги этого разбирательства Н.А. Пенчко, на вопросы куратора «Конференция дала уклончивые ответы, ссылаясь на то, что дело было передано на заключение куратора Веселовского, а именно: причина ссоры им неизвестна, так как они при этом не присутствовали; ссора произошла в университетской обержи (гостинице); со слов вызванного тогда в Конференцию свидетеля — трактирного слуги — им известно, что дело дошло до шпаг и учитель был легко ранен»¹⁴¹. Не удалось Адодурову получить от профессоров и убедительных подтверждений небрежного отношения Дильтея к своим служебным обязанностям. В этой связи в протоколе была сделана запись, что об этом «в университете имеются сведения в еженедельных отчетных ведомостях». К этому, однако, было добавлено, что «в Конференцию представлена тетрадь с записями лекций Дильтея

¹³⁹ Документы и материалы. Т. 2. С. 220.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 309.

по естественному праву студента Калиновского, и в ней помечены дни каждой лекции, откуда видно, что он читал очень редко»¹⁴².

Эти новые разбирательства, впрочем, не имели никакого смысла: как мы знаем, заключение по делу Дильтея Сенатской комиссией уже было вынесено – оставалось только ждать волеизъявления императрицы.

Часть 5. Возвращение

Екатерининский указ. И снова послушаем С.П. Шевырева, с нескрываемой иронией высказывающегося о конце инициированных Адодуrowым разбирательств: «Но весь этот соблазнительный процесс университета с профессором прекращен был Высочайшим указом, подписанным Собственною Ея Императорского Величества рукою, которым повелено принять Дильтея снова в число профессоров»¹⁴³. Формулировки указа, впрочем, были выдержаны в примирительных тонах – очевидно, что Екатерина вовсе не собиралась однозначно занимать позицию профессора и тем более в чем-то упрекать куратора, ее старого доброго знакомого. Чтобы смягчить его официальный тон, она даже своей рукой исправила начало документа, вычеркнув официальное обращение «Господин Сенатор Ададуrow!» и заменив его на личное имя своего бывшего учителя:

Василей Евдокимович! По известной вам жалобе профессора юриспруденции Московского университета Дильтея, якобы он выгнан был из службы Нашей противу воли и желания его и от того претерпел многия убытки и разорения, Мы дело его сами наконец рассмотрев, нашли, что жалоба его в том только основательна, что от канцелярии университетской не дано было ему знать, по силе заключенного с ним контракта за три месяца наперед о увольнении его от службы; и для того во удовольствие его через сие повелеваем: 1. Принять его на службу, заключа с ним вновь контракт с прибавлением жалования противу прочих сверстников его, ежели им прибавлено. 2. Дать ему студентов для обучения юриспруденции, и ежели он способность имеет и пожелает на себя принять профессию греческого языка, то и к тому его принять на кондициях добровольных. Что же касается до последовавших якобы ему разорений, то как он сам причиною был продолжающагося процесса, Мы не нашли требования его основательными. Впрочем, ежели удержана

¹⁴² Документы и материалы. Т. 2. С. 309.

¹⁴³ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 133.

какая либо часть его жалованья, на которую он бывши еще в действительной службе право имеет, оную ему без задержания выдать надлежит.

Екатерина

Марта 9 дня 1766 года¹⁴⁴.

Вряд ли стоит сомневаться, что решение императрицы стало для Адодурова большим и очень неприятным сюрпризом – все его немалые усилия, направленные на то, чтобы избавиться от неугодного профессора, оказались тщетными. Несмотря на компромиссный характер формулировок, особенно заметный в сравнении с текстом доклада Сенатской комиссии, Екатерина ясно давала понять: увольнение Дильтея она считает несправедливым и требует его восстановления. И Адодурову ничего не оставалось, как немедленно отправить ей свое покорное заверение в исполнении всех положений указа¹⁴⁵.

Дальше события развивались стремительно: 21 марта Дильтей явился к Адодурову¹⁴⁶, а на следующий день на заседании Конференции тот в присутствии Дильтея зачитал императорский указ о его возвращении в университет и предложил ему письменно внести свои предложения о новых условиях работы («на какое время желает он заключить новый контракт, и чтоб указал, какую он имеет в виду прибавку жалованья...»¹⁴⁷).

Мнение. Нет сомнений, что Адодурову и Хераскову было нелегко признать свое поражение – и они стали использовать любой повод, чтобы лишний раз продемонстрировать вернувшемуся профессору свою власть. Вряд ли стоит сомневаться, что именно по этой причине, несмотря на то, что восстановление Дильтея произошло, безусловно, на почетных для него условиях, в русскую версию его нового контракта¹⁴⁸ были включены пункты, несомненно для него оскорбительные. Например, мелочные методические указания: «А дабы время определенных на лекции часов не проходило втуне, то имеет он удерживаться от всякого излишнего диктования, но наипаче подавать учащимся основательное наставление в приличных лекциям ево наукам остроумным, а притом

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 15.

¹⁴⁵ Там же. Л. 16.

¹⁴⁶ Документы и материалы. Т. 2. С. 237.

¹⁴⁷ Там же. С. 239.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 20–21 об. Опубликовано с незначительными сокращениями: Документы и материалы Т. 2. С. 313–315.

легким и понятным разговором...»¹⁴⁹. Или требование (с отсылкой к имевшему место ранее прецеденту) не допускать впредь плагиата в речах – «чтоб с кафедры не произносить иного ничего, как собственное свое сочинение, дабы не могли находить как то прежде в сочинении ево г. Дильтея учинено, из других, весьма известных книг, целых страниц от слова до слова выписанных, к стыду университета и самого сочинителя»¹⁵⁰. Можно предположить, что и коллеги Дильтея также не испытывали радости по поводу его восстановления в должности – в университет возвращался «старший» профессорской корпорации.

Как видно из последовавших событий, и те, и другие не преминули это свое недовольство вскоре продемонстрировать. Поводом стали слова императорского указа о том, что Дильтея может «пожелать» преподавать греческий. На упомянутом выше заседании Конференции 22 марта 1766 года, спросив профессора, имеет ли тот намерение преподавать греческий язык, и получив утвердительный ответ, Адодуров объявил, что в таком случае «ему придется – для доказательства того, что он имеет требуемые университету знания – держать экзамен на будущей неделе в день, который будет назначен г. директором...»¹⁵¹. Очевидно, что возразить на это Дильтею было трудно – в указе действительно имелись также слова «ежели он способность имеет», формально допускающие такое невиданное дело как экзамен «старшего» среди профессоров. В итоге экзамен состоялся и, как нетрудно догадаться, Дильтея его провалил. В преподавании греческого языка ему было, соответственно, отказано.

Подробности этого провала заслуживают, впрочем, специального внимания. Проходил экзамен в два этапа¹⁵². Сначала на заседании Конференции 8 апреля под председательством куратора и в присутствии директора прошло «испытание» Дильтея комиссией. В состав ее входили его давний приятель ректор гимназии Шаден, недавно вернувшийся из Лейдена со степенью доктора медицины выпускник университета Петр Вениаминов и надзиратель университетской гимназии, преподававший в ней греческий, Иван Урбанский. В отношении Вениаминова в протоколе Конференции особо отмечено, что тот «уже давно представил доказательства своего знания греческого языка»¹⁵³ (очевидно, имелось в виду,

¹⁴⁹ Документы и материалы. Т. 2. С. 314.

¹⁵⁰ Там же. С. 314–315.

¹⁵¹ Там же. С. 240.

¹⁵² Там же. С. 243–244.

¹⁵³ Там же. С. 244.

что еще в студенческие годы он заменял в гимназии учителя греческого Николая Николаевича Папафило, когда тот болел)¹⁵⁴. Начался экзамен с того, что Адодуров предложил Дильтею истолковать оду Пиндара. На это профессор ответил, что «недостаточно подготовился к поэзии» и «желает прежде быть экзаменованным в прозе». Тогда ему было предложено перевести и снабдить комментариями фрагмент одной из речей Демосфена, а после этого опять была дана для истолкования ода Пиндара. Дильтей попросил предоставить ему возможность подготовиться дома и получил на это согласие, однако дополнительно к Пиндару ему было дано задание истолковать отрывок из Гомера и «поручено перевести с латинского на греческий язык часть предисловия Корнелия Непота»¹⁵⁵.

Через четыре дня, 12 апреля, Дильтей держал экзамен, проходивший в виде публичной лекции в присутствии студентов. Из профессоров на нем были не все, отсутствовал «по болезни» и назначенный председателем комиссии Шаден. Ход этого заседания – так же, как и первого – описан в протоколе¹⁵⁶. Из этого описания мы узнаем, что после выступления Дильтея сделанный им письменный перевод был передан на рассмотрение Вениаминову и Урбанскому с тем, чтобы они, предварительно посоветовавшись с отсутствовавшим Шаденом, письменно изложили заключение комиссии. На этом экзамен завершился – точнее, его открытая часть. О том, что происходило дальше ничего не известно, однако подробнейший отчет о результатах прошедшего в университете испытания Дильтея содержится в составленном через месяц «репорте» Адодурова Екатерине II¹⁵⁷. Сообщив сначала о неукоснительном исполнении основных положений высочайшего указа (заключении с Дильтеем контракта – по его желанию на три года; прибавлении ему жалованья до 700 рублей – на 200 рублей больше, чем его «сверстнику» Фромману; дачи ему учеников для преподавания юриспруденции), куратор переходит к детальному описанию экзамена, которое доказывало профессиональную непригодность профессора для преподавания греческого и одновременно развеивало возможные подозрения в предвзятости вынесенного Конференцией итогового решения – «способным не оказался»¹⁵⁸.

¹⁵⁴ Там же. С. 313

¹⁵⁵ Там же. С. 244.

¹⁵⁶ Там же. С. 245.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 42, л. 18.–19 об. (документ датирован 15 мая).

¹⁵⁸ Там же. Л. 18 об.

Вряд ли эта неудача была для Дильтея безболезненной, однако она его не остановила, и он продолжил отстаивать свои права, причем безуспешно. Он добивается того, что его «старшинство» официально восстанавливается: с 15 мая 1766 г. он снова значится в протоколах Конференции первым – сразу за директором. А вскоре после скандального экзамена, 6 мая, он выносит на рассмотрение Конференции сразу три вопроса, так или иначе касающихся оценки его профессиональной квалификации (Адодуrow на этом заседании, заметим, отсутствовал).

Первый был связан с его намерением вернуться к преподаванию истории: Дильтей просил дать объявление в «Московских ведомостях» о том, что «желает читать у себя на дому приватные лекции по истории для пользы благородного юношества, не записанного в университет, дабы этим объявлением публично пригласить всех желающих»¹⁵⁹. Второй и третий относились к печатанью в университетской типографии двух его книг: греческой азбуки «вместе с упражнениями в чтении и разговорах, нравственными сентенциями и молитвами» (похоже, что Дильтей, только что «проваливший» экзамен по греческому языку, бросал тем самым своим коллегам прямой вызов) и третьего тома «Универсальной истории», которая, как мы знаем, раньше не раз подвергалась Конференцией критике (аналогичный случай?)¹⁶⁰. По первому вопросу, носившему формальный характер, согласие коллег было получено легко. Одобрение остальных двух – по-видимому, из-за их открыто провокационного характера – вызвало затруднения, вследствие чего Херасков, как записано в протоколе, приказал, «чтоб профессора высказали свое мнение о них»¹⁶¹. В итоге было решено не выносить по ним окончательного решения, переложив его на третью сторону – цензуру: «Что же касается до напечатания греческой азбуки, то ее следует передать университетскому священнику в части, касающейся религии, ибо по этому предмету цензором должен быть он. Относительно “Истории” Конференция постановила: передать ее также какому-нибудь цензору на рассмотрение, не содержится ли в ней чего-либо противного государству или религии»¹⁶².

¹⁵⁹ Документы и материалы. Т. 2. С. 250.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

Что произошло с этими двумя книгами дальше? Через два года обе вышли из печати в университетской типографии¹⁶³. Дильтей одержал еще одну победу, хотя и не очень громкую.

Придирки директора. Но любви со стороны начальства эта борьба за восстановление прежнего положения в университете ему, конечно, не прибавила, и при малейшей возможности куратор и директор продолжали пытаться разными способами доказывать некомпетентность строптивого профессора. Об одной из таких попыток мы узнаем из протокола заседания Конференции 25 июня 1768 года, на котором претензии к ученым познаниям Дильтея предъявил директор М.М. Херасков.

Здесь снова необходимо сделать отступление для пояснения отношений, сложившихся в это время между членами Конференции и директором. Как уже говорилось, большинство профессоров, пришедших из немецких университетов, были привычны к тому, что университетская канцелярия выполняет чисто технические функции. Поэтому они считали недопустимым ее вмешательство в свои дела, целиком являющиеся сферой компетенции «республики ученых», а ее руководитель директор воспринимался ими как чиновник, призванный исполнять не только распоряжения куратора, но и волю профессорского собрания. В Московском университете, организационная структура которого во многом повторяла структуру Санкт-Петербургской академии наук, как мы знаем, дело обстояло иначе – особенно в директорство Хераскова¹⁶⁴. Поскольку директора в глазах многих членов его Конференции олицетворяли чужеродный для них класс чиновничества¹⁶⁵, профессора время от времени протестовали против их начальственных амбиций. Из-за этих различий в понимании директорских полномочий в декабре 1765 года – как раз во время разбирательств «дела Дильтея» – в университете разразился еще

¹⁶³ Дильтей Ф.Г. Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею: В пользу обучающагося российского дворянства. Ч. 3. Т. 1. [Москва]: Тип. Моск. имп. ун-та, 1768; Он же. Азбука греческая: В пользу российского юношества. Москва: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768 (2-е изд. – 1783).

¹⁶⁴ См. об этом: Университет в Российской империи. С. 136–137, 142–143, 283.

¹⁶⁵ Дело в том, что ни в «Проекте об учреждении» 1755 г., ни в каких-либо других документах роль директора в организации работы университета не была внятно прописана. В уже упоминавшемся § 7 «Проекта» говорилось, что директор присутствует на заседаниях Конференции вместе с ординарными профессорами, но в каком качестве – не уточнялось. На деле же – по крайней мере, начиная с Хераскова – директор выполнял роль председательствующего и нередко определял не только повестку дня заседаний, но и принятые на них решения.

один скандал, главными участниками которого стали М.М. Херасков и И.Г. Рейхель¹⁶⁶.

Но вернемся к Дильтею и претензиям директора к нему. Они были высказаны на заседании Конференции 25 июня 1768 года в ходе обсуждения речи профессора на предстоящем торжественном собрании по случаю годовщины коронации Екатерины II (называлась она «Чего требует справедливость законов, защищающих малолетний возраст, когда малолетние окажутся обманщиками?»)¹⁶⁷. Как уже говорилось, такого рода речи занимали не только исключительно важное место в университетских торжествах, но и – поскольку помимо возвышенной риторики включали научное содержание – в его образовательной деятельности. Поэтому они тщательно готовились профессорами и предварительно публиковались – как на языке оригинала (чаще всего латинском), так и в русском переводе (чаще всего выполненном кем-то из студентов под присмотром преподавателя). А иногда еще и обсуждались на заседаниях Конференции.

Особенностей обсуждения 25 июня было две: во-первых, оно касалось речи, которая уже была опубликована, и, во-вторых, оппонентом Дильтея выступил директор, претендуя тем самым на роль авторитета в ученом споре. Здесь, правда, нужно добавить, что именно директор нес ответственность за организацию торжественных мероприятий в университете, а также если не за научное содержание речей, то за их формальное соответствие принятым нормам.

Итак, в протоколе читаем, что «господин Директор сделал г. профессору Дильтею замечания по поводу некоторых, не совсем верных и приличных мест в его речи»¹⁶⁸. Эти замечания Хераскова и возражения на них Дильтея по каждому случаю излагаются в нем следующим образом:

- 1) О прямом его утверждении, будто Петр I получил докторскую степень в Оксфордском университете, тогда как у заслуживающих одобрения авторов этого обнаружить нельзя – на это г. профессор Дильтей возразил, что он процитирует своего автора в самой речи.
- 2) О принятии ее величества импера-

¹⁶⁶ См.: «Дело о пререканиях в Московском университете директора Михайлы Хераскова с профессором Рейхелем» – РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45.

¹⁶⁷ Dilthey Ph.H. Panegyricus... disserens de eo, quod justum est circa beneficia minorenibus concessa, si in dolo reperti sunt. Moscuae [Moskva]: Typis Universitatis Caesariae Moscensis, 1768.

¹⁶⁸ Документы и материалы. Т. 3. С. 151.

трицы в число членов Берлинской Академии наук и о написанном по этому поводу письме, которое, по мнению г. Директора, нельзя вносить в речь,, так как об этом в Петербургских Ведомостях ничего не было сказано – на это г. Дильтей отвечает, что это ему известно из иностранных газет. 3) О титуле Университета “Елизаветинский” (Elizabethana), который в позднейшее время нашему университету не прилагается, как ни один из иностранных университетов не может притязать на титул своего основателя без печатного опубликования привелегии, например, Геттингенский, Гольмштадский, Галленский и др. Университеты – на что г. профессор возразил, что этого теперь нельзя изменить, так как вся речь уже напечатана¹⁶⁹.

Насколько аргументированы в этом споре позиции обеих сторон? Проследим по каждому из четырех пунктов. 1) Сегодня действительно никаких достоверных свидетельств присвоения Петру докторской степени не имеется. Общепризнанным считается лишь, что в 1689 году он посетил Оксфордский университет. Однако не исключено, что в середине XVIII века были в ходу и иные сведения – мы просто не знаем, на кого из авторов собирался сослаться Дильтей. 2) Херасков здесь определенно ошибался: избрание Екатерины II в члены Берлинской академии наук действительно состоялось – 10 сентября 1767 года¹⁷⁰. 3) С титулом университета ситуация оказывается менее однозначной, хотя ее анализ говорит скорее в пользу Дильтея: если он и допустил ошибку, то не столько фактическую, сколько «политическую» – для наименования университета «Елизаветинским» у него были все основания. Прежде всего, этот титул присутствовал едва ли не во всех официальных объявлениях об университетских торжествах, начиная с объявления об «инаугуральной» лекции Дильтея 31 октября 1756 года, опубликованного от имени Шувалова – она состоялась “in alma ELISABETHANA”¹⁷¹. «Елизаветинским» университет именуется и в латинских изданиях каталогов лекций – по крайней мере с 1757 по 1759 годы.¹⁷² Любопытно, что он именуется «елизаветинским» и в печатном издании упомянутой раньше речи Дильтея 23 сентября 1763 года по случаю годовщины коронации Екатерины II. Причем, что немаловажно, речь эта была переведена на русский Адоду-

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. С. 429.

¹⁷¹ История Московского университета. Т. 2. С. 186.

¹⁷² На их титульных листах читаем: *Catalogus praelectionum publicarum in alma Elisabethana universitate habendarum* (курсив мой. – Ю. З.).

ровым¹⁷³, в то время уже занимавшим должность куратора (Херасков, по-видимому, об этом не знал, а Дильтей уже забыл). Но важнее в данном случае то, что и позднее на титульных страницах своих книг и речей, изданных в типографии Московского университета, вопреки критике Хераскова, Дильтей продолжал настойчиво повторять свое: “alma Elisabethana” – по меньшей мере до 1776 года¹⁷⁴.

Никаких заметных последствий эти придирки директора, однако, не имели. Латинский оригинал и русский перевод речи были заранее распространены среди слушателей и 30 июня 1768 года она была произнесена. Внес ли Дильтей в свое устное выступление какие-либо изменения по сравнению с письменным текстом? Об этом мы, скорее всего, никогда не узнаем – как, впрочем, и о других подробностях отношений профессора с Херасковым и Адодуровым после его возвращения в университет.

Часть 6. *Facultatis senior*

Такого рода придирки были, конечно, мелочами. Главное состояло в том, что Дильтею все же удалось каким-то образом нормализовать свои отношения с Адодуровым (тот оставался куратором до 1778 года) и Херасковым (остававшимся директором до 1770 года и через восемь лет снова вернувшимся в университет в качестве куратора). Хотя очевидно, что эта нормализация далась ему непросто. Разногласия с обоими у него время от времени возникали – правда, они больше не касались жизненно важных вопросов и не имели существенных последствий. Публично продемонстрированное покровительство Екатерины II охладило желание куратора и директора предъявлять серьезные обвинения «бесполезному» юристу. Не исключено, что и сам Дильтей извлек определенный урок из громкого и болезненного для него конфликта, став более осторожным не только в том, что касалось исполнения им своих обязанностей, но и в отношениях с начальством и коллегами.

Как бы то ни было, но его карьера успешно продолжалась. В протоколах Конференции в последующие годы его имя неизменно значилось первым, сразу же за именем директора; это же почетное место он занял

¹⁷³ Мельникова Н.Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. С. 49. № 217.

¹⁷⁴ Там же. С. 96. № 562; С. 122. № 734; С. 146. № 893.

и в списке ее членов в университетском адрес-календаре 1769 года¹⁷⁵. А в протоколах Конференции за следующий 1770 год он уже назван деканом юридического факультета (*facultatis senior*)¹⁷⁶.

На протяжении нескольких лет Дильтей преподает всеобщую положительную юриспруденцию по популярному в Европе того времени пособию Даниэля Неттельбладта вместе с изложением морского и военного права. Позднее он начинает также читать лекции по истории русского законодательства, параллельно истолковывая уголовное право в пандектах применительно к русским законам, а с 1777 года преподает еще и вексельное право¹⁷⁷. Факультет постепенно растет: помимо Лангера с 1767 года в состав его преподавателей входят бывшие ученики Дильтея: вернувшиеся из Англии доктора права Иван Андреевич Третьяков и Семен Ефимович Десницкий. Как писал в этой связи историк начала прошлого века, «профессорская деятельность Дильтея... лучше всего может быть оценена указанием на вышедших из его аудитории русских юристов». И добавлял: «В этом отношении заслуги Дильтея весьма значительны»¹⁷⁸.

Во второй половине 1760-х – 1770-е годы Дильтей продолжает свою научную деятельность и выпускает новые печатные труды – также преимущественно в университетской типографии. Помимо уже упоминавшихся третьей части «Первых оснований универсальной истории», «Нового описания сферы» и «Азбуки греческой», выдержавшей в XVIII в. три издания, он публикует несколько книг, предназначенных для учебных целей. Самой большой по объему из них стал двуязычный «Детской атлас, или новой удобной и доказательной способ к учению географии», вышедший в 1768–1778 годах в шести томах с картами и иллюстрациями¹⁷⁹. «Атлас» стал результатом труда целого коллектива переводчиков. Примечательно, что на его титульном листе Дильтей называет себя скромно составителем и еще, как бы мы сегодня это назвали, «редактором перевода»: «Детской атлас... собранный из разных авторов и манускриптов Филиппом Генри-

¹⁷⁵ Документы и материалы. Ч. 3. С. 250.

¹⁷⁶ Там же. С. 389–390.

¹⁷⁷ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. Т. 1. М.: Зерцало, 2007. С. 127.

¹⁷⁸ См.: Коркунов Н.М. История философии права: Пособие к лекциям. 6-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915 (§ 29. Московский университет в XVIII веке. С.Е. Десницкий). С. 285.

¹⁷⁹ Дильтей Ф.Г. Детской атлас, или Новой удобной и доказательной способ к учению географии... Т. 1–6. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768–1778.

хом Дилтеем, обоих прав доктором и профессором публичным юриспруденции и истории, переведен под руководством того же проф. с французского на русской и с русского на французской язык...». Примечательно также, что четвертый том атласа объемом более четырехсот страниц целиком посвящен России и включает описание различных российских провинций – это была одна из самых ранних обзорных работ по русской географии¹⁸⁰. Для нашего сюжета особого внимания заслуживает посвящение к его первому тому, где автор, наряду с традиционными панегирическими восхвалениями Екатерины II и заверениями в преданности ей, передает свои поздравления своему недавнему гонителю В.Е. Адодурову в связи с получением им ордена св. Анны. Не являлось ли это поздравление жестом примирения и покорности с его стороны?¹⁸¹

Последним из географических изысканий Дильтея стала вышедшая в Санкт-Петербурге в 1781 году «Топография Тульского наместничества»¹⁸², открывавшая задуманное им, но так и не завершенное «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи». Как и большинство других трудов Дильтея, «Топография» была двуязычной; примечательной ее особенностью было то, что в конце на четырех страницах она содержала полную библиографию работ автора: «Книги собрания, сочинения и перевода профессора Дильтея».

Еще известно, что Дильтей участвовал в составлении сборника именных указов об управлении католическими церквями, находящимися в России, который издавался в Могилеве на русском и латинском языках¹⁸³, и перевел на немецкий соответствующие указы Екатерины¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Титульное издание этого тома было озаглавлено: Опыт российской географии: С толкованием гербов и с родословием царствующаго дому. Собранный из разных авторов и манускриптов Филиппом Генрихом Дилтеем... Переведен под руководством того же проф[ессора] с французского на русской и с русского на французской язык Конной гвардии квартирмейстером Петром Петровичем г. Бибиковым, и артиллерии сержантом Николаем Михайловичем г. Мацневым. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771.

¹⁸¹ См. об этом: Кочеткова Н.Д. Литературные посвящения руководителям учебных заведений и наставникам // XVIII век. Сборник 25. СПб.: Наука, 2008. С. 53.

¹⁸² Дильтей Ф.Г. Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи... [Санктпетербург]: Тип. Морск. шляхет. кад. корпуса, 1781. На шмуцтит. ч. 1: «Топография Тульского наместничества, / Переведена Ростовскаго карабинернаго полку ротмистром Иваном Борисовичем фон Пестель».

¹⁸³ Имянные указы касательно до правления римских церквей в России находящихся. Ч. 1–3. Mohilevia: In typographia privelegiata archiepiscopoli, [1761–1792].

¹⁸⁴ Allergnädigste Kirchenordnung Ihro Kaiserlichen Majestät Catharina II. Selbstherscherin aller Reussen etc. für alle Römischcatholische Gemeinen des Russischen Reichs. Moskau [Moskva]: Gedruckt in der Kayserlichen Universitäts Buchdruckerey, 1774.

Что же касается основного направления его научной деятельности, правоведения, то главным сочинением Дильтея, принесшим ему всероссийскую известность, стали «Начальные основания вексельного права», выдержавшие шесть изданий. «Начальные основания» имели подзаголовок, определенно указывавший на то, что они являются университетским учебным пособием – «Для употребления в Юридическом факультете Московском». В качестве переводчиков с французского в книге значатся студенты Дильтея И.К. Борзов и А.А. Артемьев «под смотрением доктора Десницкаго»¹⁸⁵.

Что представлял собой этот труд? Как и другие ученые сочинения того времени, его открывает посвящение с прославлениями царствующего дома и заверениями автора в преданности императрице. Заключительная тирада этого посвящения начиналась с его верноподданнических заверений: «Дозвольте всемилостивейшая МОНАРХИЯ, дабы я с приносимою сею книгою приносить и жизнь свою навсегда в рабское услужение Вашему Величеству, за что не перестану Вышняго молить о здравии Вашем и о благосостоянии Державнейшаго Дому Вашего» и т.п. И в самом его конце значилась подпись: «ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЯ всеподданнейший раб Филипп Генрик Дилтей»¹⁸⁶. В авторском «Предуведомлении» не обошлось без подобострастной риторики и в адрес Адодурова: продолжая использовать жанр дедикации для налаживания с ним отношений, Дильтей называет его здесь «прозорливым Сенатором и рачительным Куратором», «великим мужем» и особо отмечает «благodeяния», которые он оказал университету¹⁸⁷.

Впрочем, помимо этих выражений подобострастного отношения к Екатерине и Адодурову, в «Предуведомлении» можно обнаружить и важные пояснения относительно замысла книги. Начинает их Дильтей с того, что объявляет о своих мотивах: публикуя этот труд он был движим отнюдь не тщеславием, но, с одной стороны, «недостатком книг, каков в России повсеместно претерпевается», с другой – «приказанием» курато-

¹⁸⁵ На титуле значится 1768 год издания, однако установлено, что книга вышла не ранее 1770 г.: Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права, для употребления в Юридическом факультете Московском / По удобнейшему способу расположенныя... Переводили с латинскаго юриспруденции студенты Борзов и Артемьев под смотрением доктора Десницкаго. [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768.

¹⁸⁶ Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права. С. [10–11].

¹⁸⁷ Там же. С. [12].

ра университета¹⁸⁸. И снова, как и в других случаях, указывает на свою скромную роль: главные мысли сочинения принадлежат не ему самому, а профессору философии и юриспруденции университета Галле Иоганну Готтлибу Гейнекцию. Что же касается его самого, то он по большей части выступает лишь как их истолкователь¹⁸⁹.

Впрочем, после этого Дильтей все же дает читателю отчет о своем конкретном научном вкладе:

Однако, чтоб не сказано мне было, что ж ты собственно сам здесь делал? Ибо Гейнекция всяк может перепечатывать. Искренно признаюсь, что я много и долго трудился в расположении, поправлении и в сношении Гейнекциевых правил с Российским Вексельным уставом; при чем премного я затруднения имел в изыскании русских указов к такому моему намерению нужных... Ибо скрывать законы как некоторую тайну есть обыкновение Канцелярий Российских, не говорю всех, но некоторых...¹⁹⁰

И в заключении, еще раз подчеркнув, что его сочинение – это не само вексельное право, но лишь комментарии к нему, смиренно обращается к «благоразумному читателю»: «...прошу пользоваться и таким моим скудоумным сочинением, пока искуснейшие в Юриспруденции Российской мужи откроются и свои юридические сочинения начнут во свет издавать»¹⁹¹.

Вопреки такой скромной оценке Дильтеем своего труда, в России он оказался удивительно востребованным, причем далеко за пределами университетского круга читателей. Как писал о нем позднее адъюнкт Московского университета Федор Лукич Морошкин, это было сочинение «столь удивительное для тогдашнего времени, что класс деловых людей, увлекшись порядком и полнотою изложения, принял его за руководство в практике, и нередко забывал видеть в нем произведение частного человека»¹⁹².

Другим значительным трудом Дильтея-правоведа – хотя и не получившим известности, сравнимой с книгой по вексельному праву – стало

¹⁸⁸ Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права. С. [15].

¹⁸⁹ Там же. С. [14–15].

¹⁹⁰ Там же. С. [15].

¹⁹¹ Там же. С. [16].

¹⁹² Морошкин Ф.Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. Февраль. № 8. С. 221.

двухязычное (на русском и латинском языках) «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном» (1779)¹⁹³. Оно суммировало полученные им результаты изучения русского законодательства, о чем свидетельствовало заглавие на шмуцтитуле книги: «Введение в право российское с теоретическим и практическим изъяснением».

И уже в последний год службы в университете Дильтей издает в Санкт-Петербурге «иждивением содержателя типографии Х.В. Клеэна» небольшую «Диссертацию о исследованиях юридических или о дедукциях судебных дел ou Mémoires raissonnés»¹⁹⁴, в которой, как разъясняет историк права, защищалась необходимость «допущения при разборе судебных дел мемуаров, изготовленных опытными юристами»¹⁹⁵.

К перечисленным сочинениям следует добавить еще книгу «Краткое начертание римских и российских прав», составленную по лекциям Дильтея одним из его учеников, Алексеем Артемьевичем Артемьевым, и изданную под его именем в 1777 году в университетской типографии¹⁹⁶.

Преподавательская и научная деятельность Дильтея во второй половине 1760-х – 1770-е годы по-прежнему сопровождается выступлениями с публичными речами – он произносит их вплоть до последних месяцев пребывания в университете. В 1768 и 1771 годах это были панегирики на торжественных собраниях по случаю коронации Екатерины II. Как уже говорилось, научная часть первой из этих речей была посвящена применению законодательства к несовершеннолетним¹⁹⁷, вторая речь непосредственно касалась главного предмета его ученых изысканий на тот момент и называлась «О конкурсе вексельных заимодавцев, и о том, что

¹⁹³ Дильтей Ф.Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном... [Москва]: Печ. при Имп. Моск. ун-те [у Н. Новикова], 1779. Поскольку в издании нет указаний на переводчиков, можно предположить, что тексты на обоих языках принадлежат самому автору.

¹⁹⁴ Дильтей Ф.Г. Диссертация о исследованиях юридических или о дедукциях судебных дел ou Mémoires raissonnés... Санктпетербург: Печ. при Артиллер. и инж. шляхетн. кад. корпусе, 1781.

¹⁹⁵ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 84.

¹⁹⁶ Артемьев А.А. Краткое начертание римских и российских прав: С показанием купно обоих равномерно как и чиноположения оных историй, Москва: При Имп. ун-те, 1777.

¹⁹⁷ См. выше прим. 215.

вексели точно до одних купцов принадлежат»¹⁹⁸. Затем в октябре 1773 года Дильтей участвует в торжествах по случаю бракосочетания наследника престола Павла Петровича с поздравительной речью¹⁹⁹. В апреле 1774 года по случаю «тезоименитства» императрицы произносит «Панегирик Екатерине II со включением рассуждения “О присутственных местах и разных родах дел, ведению каждого принадлежащих”»²⁰⁰ и опять в апреле, теперь уже 1776 года, – речь «О разных родах челобитен, или просьб»²⁰¹. А между этими датами, 25 июля 1775 года, он публично прославляет достоинства мира, недавно заключенного Россией с Турцией²⁰². Наконец, 30 июня 1780 года, снова на торжествах по случаю коронации Екатерины II, состоялось последнее публичное выступление профессора: им была прочитана речь «О пользе юридических исследований в тяжбных делах», завершавшаяся краткой одой Екатерине II²⁰³. Примечательно, что в этом же последнем году своей службы он еще раз выступает как поэт – теперь с четырехстраничной одой основателю университета Ивану Ивановичу Шувалову, которая была тогда же напечатана в университетской типографии²⁰⁴.

О последних месяцах его жизни сохранились только краткие свидетельства. Известно, что весной 1781 года Дильтей был отпущен из университета по своим делам в Санкт-Петербург, где и скончался 12 ноября

¹⁹⁸ Dilthey Ph.H. *Panegyricus, quo... disserens de concursu creditorum cambialium, cambiisque ad solos mercatores merito restringendis*. Moscuae [Moskva]: Typis Universitatis Caesariae Moscensis, 1771. Речь произнесена Дильтеем на собрании Московского университета 2 июля 1771 г.

¹⁹⁹ Dilthey Ph.H. *Oratio gratulatoria, qua Principi Paula Petridi et Principi Nataliae-Alexcidi de nuptiis Petropoli consummatis Universitatis Moscuensis sua vota obtulit*. Опубликовано в сборнике: Торжество, в котором ея императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей и непобедимейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне... [Москва]: Печатано при Императорском Московском университете, [1773].

²⁰⁰ Dilthey Ph.H. *Panegyricus, quo... disserens de foro connexaque eidem jurisdictione*. Moscuae [Moskva]: Typis Universitatis Caesariae Moscensis, 1774. Речь произнесена Дильтеем 24 апреля 1774 г.

²⁰¹ Dilthey Ph.H. *Panegyricus... disserens de libello supplicii*. Moscuae [Moskva]: Typis Universitatis, 1776. Речь была произнесена на собрании Московского университета 22 апреля 1776 г.

²⁰² См.: Мельникова Н.Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. С. 133. № 801; С. 135–136. № 821.

²⁰³ Dilthey Ph.H. *Oratio panegyrica... qui disserter de utilitate deductionum juridicarum, Gallis Memoires raisonnés et causes celebres dictarum. Anno 1780 die 30 Junii*. Moscuae [Moskva]: In Typographeo Universitatis: Typis Nicolai a Nowicow, [1780].

²⁰⁴ Dilthey Ph.H. *Ode ad illustrissimum ac excellentissimum dominum Joannem Joannidem de Schuwalow...* [Москва]: typis Universitatis Caesariae Moscensis, 1780.

этого же года в возрасте пятидесяти восьми лет. Мы знаем еще, что покойный оставил двух дочерей. Старшую из них звали Елизавета (по мужу Маттеи²⁰⁵) – она была переводчицей с французского третьей части четвертого тома «Детского атласа» («О Америке»). Вторую дочь звали Александра. В 1795 году по распоряжению куратора за заслуги отца перед университетом ей была назначена пенсия²⁰⁶.

Как считают историки права, эти заслуги действительно были немалыми. Причем не только в развитии юридической науки в Московском университете, но и в России в целом. В начале прошлого века один из них называл Дильтея предшественником «деятелей, создавших в России условия скорого, милостивого и правого суда», ученым, стремившимся «открыть пути и найти средства к водворению в стране правосудия». И, впадая в пафосный стиль, заключал: Дильтей преподавал правоведению «идеал истинной и точной юриспруденции, которая воодушевляет несчастных, падших духом не оставляет без помощи, дает силу угнетенным, укрепляет богатых, обогащает бедных, утешает сирых – одним словом, служит всем на благо»²⁰⁷.

Выяснение действительных заслуг Дильтея-ученого, впрочем, не входило в число вопросов, которые занимали автора, когда он разбирался в перипетиях этой истории. Так же, как и выяснение многих других, скорее всего возникших у читателя. Например, о подлинных причинах преследования Дильтея Адодуrowым или о нравственных достоинствах и недостатках обоих. Как было сказано в начале, обращение к этому сюжету имело другие цели. Главная состояла в том, чтобы в хитросплетении событий выявить структуру властных отношений в университете. Одновременно с этим было важно обозначить круг повседневных дел и забот его профессоров. Причем в обоих случаях акцент делался на инаковости этой истории, ее несходстве с современностью.

Необходимость разобраться в событиях, произошедших двести пятьдесят лет назад, потребовала погружения в разнообразные подробности,

²⁰⁵ См.: Мельникова Н.Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. С. 182–183. № 1140. Возможно, это был ректор университетских гимназий и профессор словесных наук Христиан Фридрих Маттеи.

²⁰⁶ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. С. 389.

²⁰⁷ Чредин Б.В. Учение Филиппа Дильтея о толковании и применении законов // Варшавские университетские известия. 1916. Кн. 4. С. 26.

относящиеся как к организации и функционированию университета, так и к биографии главного их участника. Именно ею продиктовано включение в этот рассказ многочисленных отступлений и длинных цитат. Впрочем, автор надеялся, что они не только сделают его более аргументированным, но и приблизят читателя к реалиям того времени.

Что же получилось в итоге?

Первое, что бросается в глаза – это особые, удивительно близкие отношения университета с верховной властью. Причем близость состояла не только в том, что императрица формально являлась его главой и своими указами назначала кураторов и директоров, но и в том, что при посредничестве Сената она занималась так же его текущими делами, в том числе и разрешением случавшихся в нем конфликтов. Близость университета к трону придавала высокий социальный статус его профессорам, которые в исключительных случаях могли обратиться к императрице с жалобой на канцелярию, директора и даже куратора – и при этом рассчитывать на независимое разбирательство.

В самом же университете высокий статус профессоров признавался далеко не всегда. Прежде всего из-за того, что он не был отчетливо прописан в главном документе, который регламентировал его работу – «Проекте об учреждении». Вследствие этой неопределенности профессорам приходилось постоянно доказывать куратору и директору особую роль Конференции в решении университетских дел, что приводило к конфликтам между обеими сторонами как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Коллективные противостояния, впрочем, были единичны, и профессора в них, как правило, терпели поражение. Что же касается индивидуальных, то они случались достаточно часто и в большинстве случаев заканчивались для профессоров если не победой, то почетным компромиссом. Причем успех в споре с администрацией зависел не столько от профессиональных заслуг профессора или его научного авторитета, сколько от его упорства, наличия влиятельных покровителей, а также осторожности и благоразумия в отношениях с начальством и коллегами. И еще, возможно, от сферы его профессиональной деятельности – Дильтей, как мы помним, был «законником».

Полномочия главных органов управления университетом и распределение властных отношений между ними в то время также находились в процессе становления. Впрочем, не вызывает никаких сомнений, что высшая власть в университете принадлежала кураторам, принимавшим окончательные решения по всем ключевым вопросам (хотя, как мы убе-

дились, в некоторых случаях она не была безусловной и неоспоримой). Что касается их стиля и методов руководства, то они сильно зависели от понимания каждым своей роли и колебались от жестко авторитарных до либеральных (Шувалов и Адодуров могут быть представлены в данном случае как противоположности). В отношении полномочий директоров и университетской канцелярии, непосредственно подчинявшихся кураторам, можно заключить, что они преимущественно распространялись на вопросы организации учебного процесса и обеспечения каждодневных нужд университета. Хотя директор, как мы видели это на примере Хераскова, мог также претендовать на решающую роль в принятии постановлений профессорской Конференцией, в том числе и по «ученым» вопросам. Поскольку в большинстве своем профессора считали директоров чиновниками, претензии такого рода вызывали их особое возмущение, что нередко приводило к открытым столкновениям между обеими сторонами. Однако эти столкновения не изменяли сложившийся баланс власти: «начальственное» положение директора в Конференции сохранилось.

Что касается самой Конференции как коллегиального органа управления, то в ее полномочия прежде всего входило рассмотрение разнообразных вопросов академической жизни. К этим вопросам относилось распределение лекций между профессорами, печатание книг в университетской типографии, пополнение библиотеки, выполнение переводов, утверждение программ торжественных актов, организация и содержание студенческих диспутов, обсуждение диссертаций и результатов испытаний студентов, выдача рекомендаций профессорам для заключения новых контрактов. Помимо этого, она исполняла функцию университетского суда, рассматривая нарушения установленного порядка, «дурные поступки» профессоров, студентов и учеников гимназии, конфликты между членами университетской корпорации. Однако решения Конференции по всем наиболее важным вопросам, касающимся как дисциплины, так и академической жизни, имели рекомендательный характер: последним словом здесь был вердикт куратора.

История Дильтея позволяет прийти и к еще одному заключению относительно организации работы университета. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что помимо официальных органов управления – куратора, директора/канцелярии, Конференции – во второй половине 1750-х – 1760-е годы существовал еще один важный субъект принятия решений, не вписанный в эту официальную иерархию. Им являлся

Г.Ф. Миллер, игравший роль посредника между кураторами и ученым миром при приглашении профессоров, следивший за всем, что происходило в университете, а также, благодаря своему высокому положению в Академии наук и доверию кураторов, влиявший на принятие разнообразных решений, формально относившихся к ведению университетского руководства – вплоть до повышения размера жалованья учителю гимназии.

Наконец, вся эта история позволяет заключить, что противостояние между русскими и иностранцами в Московском университете XVIII века, о котором не одно десятилетие твердила патристическая историография, скорее всего, является ее собственным изобретением. Действительно, можно ли предположить, что Адодуров, учитель русского языка Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской, в своих обвинениях в адрес Дильтея руководствовался ксенофобскими предубеждениями? «Структуры повседневности», в которых протекала жизнь профессоров и университетской администрации в то время, делали конфликты на национальной, этнической или религиозной почве маловероятными. Те же, что происходили, были вызваны иными причинами, которые всем хорошо знакомы и сегодня: столкновением личных амбиций, соперничеством в получении должностей и прибавок к жалованью, завистью, личной неприязнью, претензиями на «старшинство».

Zaretskiy, Yu. P.

How Professor Diltthey Stood for His Rights (An Episode from the Early History of Moscow University): Working paper WP19/2014/01 [Text] / Yu.P. Zaretskiy ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2014. – 64 p. – 150 copies. (in Russian).

The early history of Russian universities is of great demand in contemporary historiography. In the last years it has been covered in numerous articles and monographs. A series of these publications deal with the first decades of the most important of them, The Moscow State University. They shed light on previously hardly known aspects of its functioning, provide reference materials, trace biographies of its professors and administrators, and present collections of historical documents. Generalization and systematization of the vast body of materials in these publications allow not only to reconstruct the more detailed picture of the University's history, but also to put new questions. In particular the question about "structures of contemporaneity" in which its professors lived. These structures are mapped in this paper in the course of reconstruction of a conflict between professor Philipp Heinrich Diltthey (1723–1781) and the University administration. The main questions are addressed to hierarchy of power relations in the University: What was the place of professors in this hierarchy? What rights and obligations they possessed? What were the reasons of their conflicts with University officials? How these conflicts developed and ended? How the powers between professorial Conference, Director and Curator were allocated? And finally, in what way the interaction between the University and supreme state authorities was carried out?

Препринт WP19/2014/01
Серия WP19
Исторические исследования

Зарецкий Юрий Петрович

**Как профессор Дильтей
отстоял свою правду**

(Случай из истории Московского университета
в первые годы его существования)

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,8

Усл. печ. л. 3,72. Заказ № . Изд. № 1910

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»